

27 июля (9 августа)

Священномученик
Амвросий (Гудко),
епископ Сарапульский, викарий Вятской епархии

Священномученик Амвросий родился 28 декабря 1867 года в посаде Тышовцы Томашовского уезда Люблинской губернии¹ в семье мещанина Ивана Гудко, бывшего до его перехода в 1875 году в православие униатом. В крещении священномученик наречен был Василием. Впоследствии он писал, что за свое происхождение не из знатного рода, а из среды бедного, серого мещанства он благодарит и благословляет Господа, потому что жизнь в этой среде приучила его с детства не только умом, но и сердцем знать и понимать, что такое нужда и бедность и как тяжело бедные люди страдают и обливаются слезами, когда ниоткуда не видят помощи; но за то искренне ценят и всякую помощь, и ласку со стороны людей добрых и состоятельных «Промыслу Божию, – писал он, – угодно было поставить меня в такие условия, чтобы первые лучи моей сознательной жизни и передовые движения моей мысли и сердца до крайней болезненной чувствительности были поражаемы горем и горькими слезами близких мне и дорогих мне людей, тяжело страдавших от человеческой грубости, духовной темноты и невежества. И под такими безотрадными впечатлениями прошли, можно сказать, все годы моей юности. Вследствие того <...> в сердце юноши стал вырисовываться с <...> определенностью и ясностью путь такой жизни, при которой бы явилась возможность <...> с большей свободой все свои силы посвятить на спасение родного народа от окружающей его <...> духовной тьмы – этой главнейшей виновницы почти всех его бедствий и страданий».

В 1883 году Василий окончил прогимназию в городе Грубешове, в 1889 году – Холмскую духовную семинарию и поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию. Он учился в академии в то время, когда инспектором в ней был иеромонах Антоний (Храповицкий), под влиянием и заботливой опекой которого он тогда оказался; и тот вдохновил его выбрать монашеский путь. В монашество он был пострижен в 1891 году ректором академии епископом Выборгским Антонием (Вадковским) с именем Амвросий. В том же году монах Амвросий был рукоположен во иеродиакона, а 30 мая 1893 года – во иеромонаха.

В 1893 году иеромонах Амвросий окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия и отправился в знаменитую Оптиную пустынь, куда его влекло сердечное желание монашеской жизни. К Оптиной он душевно привязался и впоследствии приезжал сюда помолиться перед тем, как вступить в должность смотрителя Донского духовного училища, пробыв тогда здесь с 25 мая по 22 июля 1899 года. В следующий раз он приехал в Оптину 6 июля 1901 года и 20 июля сопровождал вместе с игуменом пустыни Ксенофонтом (Клюкиным) великого князя Константина Константиновича и его супругу, желавших посетить скит и скитоначальника иеросхимонаха Иосифа (Литовкина)².

Об Оптиной пустыни он навсегда сохранил благодарную память, здесь он написал исследование о выдающемся представителе русского старчества и

---

² Преподобный Иосиф Оптинский (в миру Иван Ефимович Литовкин), иеросхимонах; память 9/22 мая.

монашества последнего времени преподобном Паисии Величковском. «В настоящее время, по наблюдению многих серьезных людей, – писал он, – особенно из среды наших лучших пастырей Церкви, в нашем русском народе замечается довольно низкое состояние духовной жизни. Образованное общество в значительной части продолжает упорствовать в своей отчужденности от Церкви Божией и ее святых установлений. Простой народ с большим трудом просыпается от своего векового духовного сна, туго поддается лечению от своих закоренелых и тяжелых духовных недугов. Мало до нас доходит радостных вестей о мужах высокой духовной силы, о таких мужах, которые бы широко разливали вокруг себя духовный свет и которыми была так богата наша Древняя Русь, несмотря на самые по-видимому неблагоприятные условия ее тогдашнего гражданского быта и духовного просвещения. Особенно жизнь наших монастырей древнего времени, например, времени преподобного Сергия Радонежского или Нила Сорского, представляла такие частые светлые явления, какие редко, редко можно видеть теперь. Поэтому в наши дни особенно благоразумно и благовременно вспомнить завет святого апостола Павла: „Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их“ (Евр. 13, 7). Исполняя этот завет апостола, мы хотим вспомнить об одном из великих наших соотечественников, муже высокого духовного разума и святой жизни, именно о старце Паисии Величковском. Наше общество высоко превозносит, иногда даже уж очень высоко, различных политических или гражданских деятелей, светских писателей, часто в то же время предавая почти полному забвению великих деятелей духовных; очевидно оно предаёт также полному забвению и ту святую истину, что духовное – выше телесного, что душа наша бессмертная – бесконечно выше и ценнее нашего смертного тела... Так, мы торжественно недавно отпраздновали столетнюю годовщину рождения своего поэта А.С. Пушкина, но для нас прошла совершенно незаметной (в 1894 году) столетняя годовщина смерти великого старца Паисия Величковского. А между тем, едва ли заслуги последнего для нашего Отечества менее значительны, чем заслуги Пушкина. Да, но заслуги старца Паисия относятся к другой области: это заслуги не для плотской или гражданской, а для чисто духовной жизни, для монашества, для Церкви Русской; разве только поэтому они преданы забвению!..»

В 1893 году заведующий Бийским миссионерским катехизаторским училищем на Алтае иеромонах Мефодий (Герасимов)^а был возведен в сан архимандрита и назначен начальником Алтайской миссии, и дорогое сердцу епископа Макария (Невского)^б миссионерское училище осталось без руководителя. Это училище было открыто святителем в Бийске в 1883 году, когда он был начальником Алтайской миссии, и ставило своей целью, как значилось в его уставе, подготовку из детей инородцев и русских, владеющих языком инородцев, учителей и псаломщиков инородческих миссий и приходов Томской епархии и смежных с нею – Омской, Тобольской и Енисейской. Епископ Макарий считал деятельность этого училища настолько важной для просвещения инородцев, что сам лично вникал в малейшие подробности его жизни и, не жалея на то времени и сил, заботился и хлопотал о нем, всячески способствуя тому, чтобы оно

---

^а Иеромонах Мефодий (в миру Маврикий Львович Герасимов; 1856–1931), впоследствии митрополит Харбинский и Манчжурский.

^б Святитель Московский Макарий (в миру Михаил Андреевич Невский), митрополит; память 16 февраля / 1 марта.

встало на прочную основу. В училище обучались дети представителей национальностей, живших не только на Алтае, но и во всей Томской губернии. После того как владыка Макарий был назначен епископом Томским и Семипалатинским, он не оставил своим попечением дорогой его сердцу Алтайской миссии и катехизаторского училища, ставших центром просвещения для всего Алтайского края и Томской губернии. В поисках достойного кандидата на должность заведующего училищем он обратился за содействием к ректору Московской духовной академии архимандриту Антонию (Храповицкому), который порекомендовал ему взять на эту должность иеромонаха Амвросия (Гудко).

16 октября 1893 года Святейший Синод назначил иеромонаха Амвросия заведующим училищем, но доехать до места своей службы из-за бездорожья он сумел только после Рождества Христова, приступив к руководству воспитательным и учебным процессом во второй половине учебного года.

Отец Амвросий возглавил училище в переломный к лучшему, вселявший большие надежды год и в то же время год скорбный из-за неопределенной перспективы будущего материального положения училища. 9 августа 1894 года в соответствии с ходатайством епископа Макария Святейший Синод разрешил Томской духовной семинарии принимать к себе желающих получить семинарское образование без сдачи экзамена по древним языкам не только из числа инородцев, кончивших Бийское миссионерское катехизаторское училище, как это было раньше, но и из числа русских, так что и русские теперь могли получить соответствующее образование и подготовиться к предстоящему миссионерскому служению. Достоянейшие из них после прохождения практики в качестве псаломщиков могли быть рукоположены во диаконов и священников, в которых ощущалась тогда острая необходимость.

В том же году училище потеряло своего благодетеля и попечителя – Алексея Викуловича Соколова. Выходец из крепостных Владимирской губернии, он, став купцом, нажил в Сибири значительный капитал. Нажитые средства он не считал исключительно личными; не имея ни детей, ни близких родных, он посвятил свою жизнь служению общественному благу. В Алтайском крае он построил многие храмы и школы, выстроил больницу в городе Бийске и долгое время содержал ее на свои средства. Он же построил в Бийске трехэтажное здание катехизаторского училища вместо предполагавшегося за недостатком средств одноэтажного. Он намеревался завести при училище и содержать на свои средства ремесленные классы, но преждевременная кончина не позволила ему это осуществить. Преемником последнего на поприще благотворительности согласился стать выходец из Владимирской же губернии, его друг и единомышленник Алексей Федорович Морозов, но и он, давно и тяжело страдавший от недуга, вскоре скончался, и попечение об училище взяла на себя его супруга. Зная сердечное расположение мужа к училищу, она пожертвовала часть средств на его содержание.

«Новое сейчас освященное здание училища должно составлять целую эпоху в его истории, – сказал после освящения здания училища 14 сентября 1895 года отец Амвросий, обращаясь к учащим и учащимся. – Это событие можно назвать началом юношеского возраста училища. Юность бодра и крепка силами. О, дал бы Господь, чтобы и наше юное училище возрастало, крепло, восходило от силы в силу! Но известно, что если какая болезнь заведется в организме отрока, то и в юности он будет хилым и слабым. К сожалению, наше училище начинает свой

юношеский возраст с одной из болезней своего отрочества, именно недостатком, даже крайним недостатком средств в сравнении со своими широкими задачами и неизбежно соединенными с ними большими издержками. Правда, теперь наше училище обладает вдвое большими средствами, чем какими оно обладало в начале своего открытия, но зато и нужды училища с развитием и расширением его дела не удвоились, а утроились. А вследствие недостатка средств приходится начальникам и руководителям училища быть постоянно озабоченными и с тревожными опасениями смотреть в будущее ввиду неизбежных долгов.

Но у кого-нибудь, может быть, возникнет в душе такое недоумение: „охота вам жить не по средствам, забывая мудрую поговорку, что „по одежке нужно протягивать ножки“. Не расширяли бы дела, коли нет средств, тогда и долгов бы не было“. Возражение это настолько серьезно, что даже многие из нашей братии ставили нам его, даже иногда, кто посмелее, с некоторой укоризной. „Ограничились бы, де, примерно размерами прежнего... чисто инородческого училища, тогда и денег бы меньше выходило, и долгов бы не было“. Что сказать на это? Скажем вот что: конечно, можно бы, вероятно, было держаться этого совета, если бы наше училище не было духовным училищем, если бы оно не находилось в сибирских и алтайских пределах и если бы еще оно не находилось под начальством и руководством Томских и Бийских архипастырей. Но могут ли наши архипастыри не расширять дела, могут ли приказать не принимать много детей в училище, особенно русских, когда они хорошо знают, что множество школ в епархии остается без учителей? Могут ли они быть равнодушны к тому, что во всей епархии ежегодно подрастает множество детей, которые у своих родителей просят со слезами к книжке и только потому не учатся, что некому их учить? Конечно нет. Вот этим и объясняется то, что нам приходится жить выше средств, помимо даже собственной воли. Конечно, можно еще сказать: тогда ввиду такого большого числа в училище русских воспитанников и такой его широкой программы должна бы быть оказана правительственная помощь училищу. Конечно, должна бы и, быть может, даже могла бы быть оказана такая помощь нашему училищу; но по не зависящим от нас причинам ее нет, и нам пока приходится довольствоваться средствами миссионерскими, да еще частной благотворительностью.

До сих пор мы просили, искали и стучали и... обретали необходимое, хотя иногда и с большим трудом. И впредь наша надежда будет на Бога да на добрых людей...»

14 мая 1896 года иеромонах Амвросий был награжден наперсным крестом. 16 октября 1897 года Святейший Синод назначил его начальником Корейской духовной миссии в Сеуле, и 7 декабря он был возведен в сан архимандрита. 20 ноября 1898 года он был отозван из Сеула и 30 июня 1899 года назначен смотрителем Донского духовного училища в Москве, а 27 июля 1901 года – ректором Волынской духовной семинарии, располагавшейся тогда в городе Кременце Волынской губернии.

В первом своем слове, обращенном к учителям и учащимся семинарии перед началом учебных занятий 2 сентября 1901 года, отец Амвросий с удовлетворением отметил, что на свой приезд в Волынскую епархию он смотрит как на милость Божию, как «на возвращение, после долгого странствования, в землю <...> родную, страну дорогую и обетованную, управляемую притом духовно с ранней юности известными» ему архипастырями. «В течение долголетнего вашего учения, любезные дети, вам преподаются многие знания,

весьма для вас необходимые и полезные, как в этом вы убедитесь впоследствии собственным опытом. Но некоторые из этих знаний необходимы для вас только для этой жизни, следовательно, имеют только временное значение, как и все здесь, на земле, и даже самая жизнь наша – временны и скоропреходящи. Но есть другие знания, несравненно важнейшие первых, – это те, которые руководствуют нас к жизни будущей, к жизни вечной и небесной и потому заслуживают с нашей стороны несравненно большего к себе внимания по сравнению с теми первыми знаниями. И о них-то святой апостол говорит: „благочестие же на все полезно есть, обетование имеюще живота нынешнего и грядущего“ [1 Тим. 4, 8]. И как вы счастливы, любезные дети, юноши и девицы, что вы воспитываетесь в таких школах, где на знания и навыки, ведущие к благочестию и жизни вечной, обращается особенно наше внимание! Старайтесь же, начиная свой новый учебный год, обучать себя благочестию, преуспевайте в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости, как некогда этому учил своего любимого ученика святой апостол Павел. Вам в школе преподаются многие науки; но вы знаете, что во всякой науке прежде всего изучаются начала, основания ее. Так, возьмем, например, самую простую науку – науку читать: никто не может читать раньше, чем выучит буквы, азбуку и навыкнет слагать буквы в отдельные слоги и затем слова. Но начало всех наук, всякого знания и премудрости, по слову Премудрого, есть страх Господень (ср.: Притч. 1, 7). Постарайтесь же внедрить в сердцах своих страх Божий, ограждающий нас от всякого зла. Постарайтесь возлюбить Господа Бога всем сердцем своим, всею душою своею и всем разумением своим, как этому учит нас Господь, Спаситель наш <...> (ср.: Мф. 22, 37). Большинство из вас, питомцев здешней школы, готовится быть пастырями Церкви Божией. Но самый лучший залог наиболее плодотворного пастырства коренится в искренней любви к Господу Богу, в искреннем благочестии пастыря: согретое ими сердце пастыря научит его, что и где сказать, как и где поступить, и овцы его всегда будут слышать глас такого доброго пастыря и пойдут за ним по пути благочестия. Если же кто изберет другие пути жизни, то и для него благочестие необходимо как залог Божия благословения в настоящей и будущей жизни...»

В 1902 году Волынская духовная семинария была перемещена из города Кременца в город Житомир, отъезд отца ректора был назначен на 1 сентября. «В этот же день с благословения преосвященного Антония состоялись торжественные проводы главной святыни семинарской церкви – копии чудотворной Киево-Печерской иконы Божией Матери <...>, – писал об этих событиях их участник, студент Киевской духовной академии Андрей Грисюк^а. – Утром <...> в бывшем семинарском храме отцом ректором семинарии была совершена Божественная литургия. <...> В пять часов был назначен молебен перед упомянутой иконой и затем крестный ход с ней из семинарской церкви на вокзал. К этому времени в церкви собрались крестные ходы из всех приходских церквей города Кременца. <...> Семинарская церковь едва вмещала всех пожелавших проститься с семинарией. Отец ректор перед началом молебна обратился к обитателям города Кременца с последним, очень сердечным прощальным словом, в заключение которого он преподал им Божие

---

^а Впоследствии епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии Анатолий, в конце жизни – митрополит Одесский; в 1918 г. он сообщил «Высшему церковному управлению, что преосвященный Амвросий расстрелян 27 июля с.г. за станцией Свяжск». Память священномученика Анатолия (Грисюка) Русская Православная Церковь совершает 10/23 января.

благословение мира и предложил помолиться Небесной Царице и Заступнице человеческого рода. Затем перед святой иконой, поставленной посредине церкви в нарочито устроенных носилках, был отслужен молебен отцом ректором и всем городским духовенством с присоединением прошений из молебного чина отправляющимся в путешествие». После молебна состоялся крестный ход на вокзал.

В 1902 году архимандрит Амвросий, оставаясь ректором Волынской духовной семинарии, был назначен председателем Владимиро-Васильевского братства, в 1903 году – благочинным церковей мужского и женского духовных училищ и церковно-учительской школы и председателем Волынского церковно-археологического общества.

12 мая 1904 года он был назначен епископом Кременецким, вторым викарием Волынской епархии. Совершение хиротонии, состоявшейся 30 мая в городе Житомире, возглавил митрополит Киевский и Галицкий Флавиан (Городецкий); вместе с ним служили епископы Волынский и Житомирский Антоний (Храповицкий), Уманский Агапит (Вишневский), Люблинский Евлогий (Георгиевский) и Новомиргородский Димитрий (Сперовский).

При вручении жезла начинающему архипастырское служение епископу Амвросию владыка Антоний в своем слове обозначил главные черты в его характере. «Воспитанник смиренной и трудящейся семьи, – сказал он, – ты с детства возлюбил духовную жизнь, <...> ты всегда отличался самой искренней горячностью, самой неуклонной последовательностью в исполнении своих благочестивых решений. Не раз ты подвергал себя служебным неприятностям и даже лишениям, когда думал, что от тебя этого требует монашеский и иерейский долг, и вообще более всего старался ты о том, чтобы не явиться теплохладным служителем Слова, чтобы не отступить от своей самоотверженной решимости служить Богу <...> – сия решимость есть только вступление в апостольский подвиг, а самое исполнение еще впереди. Здесь потребно кроме духовной мудрости и участливой любви еще великое терпение, иногда особенно тяжело усвояемое для души, исполненной ревности о Божественной правде <...>.

Может ли твое ревнивое о правде Божией сердце явить такое долготерпение? Может, если будешь трудиться над собой, как трудился раньше; может, потому что наряду с горячностью и правдивостью Господь наделил тебя еще одним добрым свойством, для уравнивания первых, именно сострадательностью. Ты уступал всегда смиренным слезам и искреннему сознанию греха своего у юношей, а также и людей взрослых. Возгревай же и храни этот дар Божий, а не вытесняй его из своего сердца и на святительском престоле...»

Приступив к исполнению обязанностей архипастыря, владыка Амвросий по поручению епископа Волынского и Житомирского Антония отправился знакомиться с приходами Овручского уезда.

«Мной были <...> посещены сорок восемь церковей, – писал он в отчете, – на лошадях было сделано четыреста пятьдесят верст, преимущественно по песчаной грунтовой дороге.

Посещение церковей совершалось мной таким образом: после обычной встречи я обращался с кратким поучением к собравшемуся народу. Тема поучения заимствовалась преимущественно от имени <...> посвящения храма, причем, если позволяло время, поучение предлагалось перед молебном или в конце молебна на церковном погосте, куда мы вместе с участвовавшими во

встрече священниками и народом выходили с крестным ходом для избежания тесноты и жары. После поучения и молебна народ принимал благословение. Затем по просьбе священников я заходил на краткое время в дома священников, чтобы благословить их дом и семью.

В местах ночлегов собором священников, обычно во главе с благочинным, всегда совершались всенощные бдения храму или местночтимому святому (если день не был праздничный), а на другой день – ранняя литургия – также соборно. На литию, полиелей, а иногда и на молебен после литургии выходил также и я; причем всенощное бдение от литии и до окончания великого славословия, а также молебны после литургии совершались обычно на погосте, где всегда в таких случаях предлагалось и поучение (после кафизм или после литургии и молебна).

Поучения предлагались мной всегда на малороссийском языке, родном местному населению, что весьма нравилось народу и, по-видимому, производило на него благотворное и большое впечатление.

Народа собиралось везде очень много даже в будничные дни, исключая двух-трех случаев; а в городе Овруче на архиерейской литургии и особенно на молебне, который был совершен с крестным ходом на погосте, присутствовало до двух тысяч народа <...>. Это объясняется преимущественно той причиной, что мне пришлось посещать на этот раз большей частью такие места, где архиереи бывали уже давно и редко, например, десять, двадцать пять, пятьдесят лет тому назад или даже и вовсе не бывали никогда. В самом городе Овруче, хотя архиереи бывали нередко, но архиерейские служения бывали очень нечасто: последнее не менее десяти лет тому назад. <...>

В осмотренных мною приходах сектантов нигде нет, слава Богу <...>. Народ в большей или в меньшей степени предан Церкви. Общий их недостаток, как и почти везде в Волынской епархии, – отсутствие христианского просвещения и православных навыков, сохранение униатских церковных обрядов и житейских обычаев...»

В 1905 году владыка Амвросий ознакомился с приходами Кременецкого и Житомирского уездов. О поездке по храмам Житомирского уезда он писал епископу Антонию: «Посещенные мною в настоящий раз приходы производят грустное впечатление по правосостоянию населения: близость губернского города и соседних местечек и сахарных заводов – развращающе действует на население. А создавшаяся десятилетиями привычка отправляться в праздничные дни на базар с женами и детьми лишает очень часто священников возможности и в эти дни видеть в храме и научить чему-нибудь доброму свою паству. Пьянство, воровство, частые поджоги – составляют довольно обычное явление среди здешнего населения; на это жалуются не только священники, но и лучшие из самих крестьян. Поэтому волынское епархиальное начальство сделало бы великое дело, если бы при содействии, конечно, гражданской власти положило конец этому нашему позору – базарам с их безобразиями в праздничные дни. Несколько лет тому назад бывшим волынским губернатором <...> было начато это дело, но не доведено до конца. А ведь и осуществить его так нетрудно, и сколько было бы отсюда блага для христианского народа».

В 1906 году епископ Амвросий ознакомился с приходами Острожского уезда, после посещения которых писал: «Несмотря на непостоянную погоду и грязную дорогу, народа стекалось почти везде очень много, и он <...> с жадностью ловил каждое архиерейское живое слово, которое притом

предлагалось ему на местном наречии. Нельзя поэтому не пожалеть, что редкие из священников доставляют своей пастве такое утешение, редкие проповедуют живое евангельское слово, а где это делается, там приход заметно отличается от других соседних: там приход благоустроен, народ набожен, к своему пастырю относится очень почтительно и с большой благодарностью».

В том же году епископ Амвросий посетил приходы, состоявшие в значительной степени из чешского населения. «Во всех этих приходах, – писал он, – чешское население составляет приблизительно половину прихода – другая половина крестьянское население. И, слава Богу, что это так, ибо крестьянским населением только и держится религиозная жизнь в этих приходах, а население чешское, насквозь пропитанное западной нигилистической культурой, с трудом привлекается к церковной жизни и в значительной массе не исполняет не только никаких постов, но не бывает и у исповеди и святого причащения. А насколько чехи ленивы к посещению церковной службы, об этом можно судить из того, что в Глинске к концу архиерейской службы осталось в церкви только двадцать-тридцать чехов, тогда как крестьянское население, в количестве до полутора тысяч, не только выстояло всю службу с крестным ходом и молебном, но оставило церковь только после того, когда я успел благословить каждого из них; а в Страклове, где крестьяне не расположены к своему священнику и считают его угодником чехов, хотя он и нескольких слов не может сказать по-чешски, там при архиерейской встрече, правда в будничный день, оказалось только двадцать-тридцать человек».

В 1907 году епископ Амвросий снова отправился в путешествие по приходам епархии и в отчете писал архиепископу Волынскому и Житомирскому Антонию: «Из названных приходов только город Заславль, местечки Славута и Шепетовка и еще два-три села были посещены архиереями недавно, в большинстве из них архиереи бывали приблизительно лет десять и больше тому назад. <...> Майдан Лабунский – это самое захолустное село Заславльского уезда, напоминающее захолустья полесья Овручского или Луцкого уездов, случайно посетил только Арсений, архиепископ Варшавский и Новогеоргиевский, впоследствии митрополит Киевский, а в селе Конотопах, приписном к Ничпалам, по-видимому, вовсе не являлись со словом благовестия стопы святительские. Неудивительно поэтому, что даже и в дни ненастной погоды почти везде собиралось много народа ко времени нашего прибытия в приход и церковь. В местечках и ближайших к ним селах, где народ лучше владеет русской речью, поучение предлагалось мной на русском языке, а во всех остальных приходах – на местном малорусском наречии, что, по заявлению отцов благочинных и других священников, производило очень благотворное впечатление на народ, особенно на женщин, которые здесь убеждались, что и для их уразумения доступны глаголы жизни вечной. На последнее обстоятельство я указываю особенно потому, что многие из пастырей малорусского народа держатся того убеждения, что следует в проповедях приучать народ к пониманию русской речи и что-де большинство и теперь понимает ее. Но не следует ли в сем деле более дорожить временем и не нужно ли с проповеди снять эту побочную службу? Иначе, пока будет идти это приучение народа к пониманию русской речи, народ потеряет вкус к живому пастырскому слову, а нива народного сердца может зарости многими сорными травами, особенно в наши лукавые дни. Если, впрочем, и согласиться, что большинство малорусского народа даже по селам на нашей Волыни (особенно мужчины) порядочно понимают простую русскую речь, то следует,

однако, помнить, где одно дело понимать что-либо умом, а другое дело – усвоить это сердцем, последовать ему своей волей, а к сему последнему гораздо скорее можно склонить родной речью, к которой человек привык с колыбели...»

Существенной заботой епископа Амвросия стало строительство новых храмов в тех местах, где старые уже обветшали. Посетив в 1904 году село Быковцы в Кременецком уезде с населением в семьсот человек и найдя, что деревянный храм в селе был ветх, убог, а в действительности уже и покосился, он стал убеждать крестьян выстроить на этом месте новый, который больше бы отвечал своему высокому назначению. Крестьяне стали отговариваться бедностью, и епископ назначил сюда одного из самых энергичных в викариатстве священников. С большим трудом новый священник уговорил прихожан, по крайней мере, хотя бы положить начало постройке из тех средств, которые были уже собраны за предыдущие годы, чтобы, вручив начатое дело в руки Божии, затем с Божьей помощью и продолжить его. Вера священника, подтвержденная ревностным попечением о доме Господнем, не была посрамлена – в течение трех лет был воздвигнут величественный каменный храм, который по завершении строительства был освящен епископом Амвросием. После литургии епископ обратился к прихожанам со словом, в котором просил их позаботиться теперь о внутреннем украшении храма, чтобы оно соответствовало его благолепному внешнему виду. Сказал он и о вредном влиянии находившейся в селе винной лавки, дома, как он выразился, народного горя и бед, призывая жителей хлопотать, чтобы она была закрыта.

Во все время управления викариатством епископ Амвросий неустанно поддерживал всякое созидательное церковное начинание, поддерживал сборы на строительство храмов, просветительскую деятельность, сам участвовал в религиозно-нравственных чтениях. Многие годы в Житомире в зале для духовных чтений велись беседы на богословские темы, в которых епископ Амвросий принимал активное участие.

Революционное движение, основным результатом которого стали убийства должностных лиц, общий упадок веры, распространение и укрепление нравственных пороков, а в западных областях России уход крестьян в униатство – все это призывало задуматься о причинах столь быстрых и пагубных перемен в обществе, и приходилось со скорбью признать, что одной из причин массовой деградации народа были в то время полуобразованные учителя – апостолы невежества и неверия.

«В последнее время, – писал епископ Амвросий в 1907 году, – и наша духовная школа, особенно духовные семинарии, сильно расшатались, но этот развал значительно в большей мере коснулся школы светской, не исключая и учительских семинарий. Казалось бы, уже эти-то последние школы была полная возможность удержать в надлежащем порядке, ведь сюда поступают преимущественно крестьянские парни, обычно выносящие здоровые традиции из своей крестьянской семьи. Но нет, и эти школы развратились и распустились. С большой грустью мы узнали, например, что в ближайшей к нам <...> семинарии прошлым Великим постом воспитанники потребовали мясного стола, и растерянное начальство выполнило их требование. <...> Ведь в это же самое время не только родители сих учеников, но и их братья и сестры, даже малолетние, питались пустыми щами <...> да картошкой, даже без хлеба. <...> Напрасно начальство оказалось так снисходительным к подобному безбожному требованию своих глупых питомцев: следовало немедленно предложить им отправиться на

родительские хлеба домой. А там бы родители, узнавши настоящую причину их преждевременного появления, вероятно, не отказались бы оказать на них надлежащее отеческое воздействие, которое осталось бы у них надолго в памяти, и отбили бы охоту к таким барским склонностям. Да и школа народная немного бы потеряла от изгнания таких ее будущих просветителей, от которых да сохранит ее Господь. Народу нужны набожные, трудолюбивые учителя, а если нет таковых, то лучше народу оставаться пока совсем без школы».

Совершая поездки по епархии, епископ Амвросий не только старался уяснить положение дел в приходах, но по возможности и предложить решение назревших проблем. Он видел, что одной из причин религиозного упадка являлось неблагоговейное совершение богослужений, в чем были виновны настоятели храмов и псаломщики.

«При посещении приходов Волынской епархии, – писал он, – мною замечено, что многие псаломщики невежественны – не только в пении, но даже и в чтении, не говоря уже о знании церковного Устава, и такое их невежество отражается печальными последствиями на состоянии приходов, не привлекая, а скорее отталкивая народ от церкви. Увольнять таких невежественных псаломщиков нет возможности, ибо большинство из них обременены значительной семьей, выучиться на своих местах службы они редко имеют возможность, за недостатком умелых руководителей. Единственное средство для поднятия правоспособности псаломщиков <...> – это устройство для них краткосрочных курсов...»

Архиепископ Антоний предложил епископу Амвросию составить для таких курсов программу. После ее составления архиепископ благословил благочинных учреждать курсы во всех благочиниях.

Собрав воедино впечатления от своей поездки по Волынской епархии, епископ Амвросий коснулся некоторых характерных черт образа идеального пастыря, которым, по мнению многих, был тогда протоиерей Иоанн Кронштадтский. «Многие удивляются его чудному пастырскому успеху, его чудесам и славе, – писал епископ, – но немногие обратили внимание на тот путь, каким он, по его собственным неоднократным заявлениям, достиг этой удивительной духовной высоты; а еще менее таких, которые бы решились сами вступить на этот путь... А между тем это путь вовсе не новый, найденный отцом Иоанном; нет, – это путь всех святых. Вот главные его ступени: вдумчивое чтение и изучение слова Божия и лучших его толковников – святых отцов, внимание себе, своей совести, ревностное исполнение всех своих обязанностей в духе Христовом, воздержание во всем или аскетическое отношение к жизни и возможно чистая, искренняя и сердечная молитва, низводящая на подвизающегося так Божие благословение с неба и дающая ему благодатную силу для подвига...

Пастырь, вступивший на стезю такой жизни и решившийся идти ею неуклонно до смерти, вскоре сам заметит, заметят это и все его окружающие, как все его действия, все поведение получает характер строго христианский, в отличие от обычной полуязыческой или даже часто языческой жизни людей светских. Услышав блавест церковный, он отправляется в храм Божий не с воздыханиями, как это делают многие, но с радостью, подобно сказавшему: „возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем“ [Пс. 121, 1]. Службу Божию он совершает со страхом Божиим и глубоким, искренним благоговением, что невольно возбуждает такое же настроение и во всех присутствующих в храме.

Он употребляет все меры к тому, чтобы вся служба шла чинно и благоговейно, побуждая к тому же и своего помощника-псаломщика. И последний слушается своего доброго батюшки, старается всеми силами не только завести хоровое пение, но и всю церковь приучает к общему пению некоторых молитв и песнопений, ибо сам видит, что такая служба, с благообразным пением, нравится народу, привлекает его в церковь и увеличивает не только его благочестие, но и любовь и уважение к членам причта. При таком батюшке псаломщику и в голову не придет не слушаться его, а тем более заводить с ним какие-либо дразги, ибо он видит, что батюшка относится к нему по-отечески, не старается не пускать его дальше кухни или порога своего дома и не только не обделяет доходами, как это он видит в соседних приходах, но, напротив, в случае нужды сам первый спешит к нему с помощью материальной и духовной.

Такой пастырь проповедует слово Божие своей пастве не только по сознанию своего долга, но и по требованию своего сердца, которое не может не отозваться живым словом на духовные нужды своих духовных детей, подобно тому, как этого не может [не] сделать любящая мать, не могущая быть равнодушной к жизни чад своих, ибо „от избытка сердца (как бы невольно) говорят уста...“ Доброму пастырю памятно и понятно то сильное слово, какое некогда святой апостол Павел сказал своему ученику: „Заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых в явление Его и Царствие Его: проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием“ (2 Тим. 4, 1–2). Понятно ему и то увещание апостола сего, чтобы пастыри терпеливо переносили скорби за дело благовестия от тех, которые не пожелают слушать их здравого христианского учения, „но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху, и от истины отвратят слух и обратятся к басням“ (2 Тим. 4, 3–4). Но зато доброму пастырю понятна и та великая радость, с какой такой пастырь-подвижник ожидает своей смерти, даже мученической, в надежде получить заслуженную награду от Подвигоположника и Пастыреначальника – Христа, когда он сможет дерзновенно сказать вместе с великим апостолом-подвижником и мучеником: „Я уже становлюсь жертвою, и время моего отшествия настало. Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил. А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем возлюбившим явление Его“ (2 Тим. 4, 6–8). С дерзновением предстанет он тогда Престолу грозного Судии со своими послушными чадами духовными и воскликнет радостно: „вот я и дети, которых дал мне Бог“ (Евр. 2, 13)».

27 февраля 1909 года владыка Амвросий был назначен епископом Балтским, викарием Подольской епархии и настоятелем Каменецкого Свято-Троицкого монастыря. 8 марта он служил литургию в кафедральном соборе города Балты, по окончании которой направился в духовную семинарию, где собрались воспитанники, преподаватели и духовенство города. Епископ обратился к юношам, призывая их усердно готовить себя к пастырской деятельности, «указав как на живой пример этого служения на приснопамятного Иоанна Кронштадтского». На следующий день, вечером, в кафедральном соборе собралось духовенство города и множество народа. Молебен служил прибывший в этот день в Житомир епископ Владимир-Волынский Фаддей (Успенский)^а.

---

^а Священномученик Фаддей (в миру Иван Васильевич Успенский), архиепископ Тверской; память 18/31 декабря.

После назначения владыки Амвросия епископом Балтским встал вопрос, кому быть настоятелем новообразованного Балтского Феодосиевского монастыря. Открытие монастыря состоялось в соответствии с решением Святейшего Синода от 24 марта – 15 апреля 1908 года. Исполнилась заветная мечта благочестивого пастыря города Балты священника Феодосия Левицкого, мечтавшего принять монашество и завещавшего основать в городе мужской монастырь. Другим его заветным желанием было быть погребенным при Николаевской церкви, в которой он подвизался более тридцати лет. Последнее исполнилось при епископе Амвросии, которого Святейший Синод назначил настоятелем и Балтского Феодосиевского, и Каменецкого Свято-Троицкого монастырей.

Священник Феодосий Левицкий, в память которого был создан Балтский Феодосиевский монастырь, родился в 1791 году близ города Балты и скончался в Балте в 1844 году. Один из первых его жизнеописателей, писавший под именем Святогорец², знавший его лично, «не раз был свидетелем трогательных опытов ангельской любви его к страждущему человечеству». «Чтобы устные предания о таком духовном светильнике, – писал он, – струившем отрадный свой свет на наше общество, такие скудные подобными проявлениями, не замерли и не исчезли, как обыкновенно исчезает все от времени и во времени, я <...> принял на себя долг передать свету очерки жизни покойного в полной уверенности, что через них имя праведного перейдет в потомство с похвалами и между нашими современниками при помощи Божией найдет достойных подражателей».

22 мая 1909 года состоялось перенесение останков священника Феодосия Левицкого с кладбища в образованный в соответствии с его завещанием Балтский Феодосиевский монастырь. «Ранним утром народ стал собираться в храм и двор монастыря, – писал один из участников событий. – Толпы богомольцев со слезами на глазах спешили очистить свою душу покаянием. Несколько священников исповедовали народ. И какая это была исповедь! Это был великий подвиг самоосуждения, самобичевания нравственного; человек, кажется, готов был признать себя ниже всех живущих на земле. Отойдет этот богомolec от священника, припадет к каменным плитам храма и молится, молится так, что ничего не замечает кругом себя. Вы видите, что все существо его проникнуто этой молитвой, что именно „всем сердцем, всею душою и всеми мыслями своими“ стремится он к Богу... Окончилась ранняя литургия; началась торжественная поздняя служба.

Два архипастыря, целый сонм иереев, диаконы и прислуживающие в лучших светлых облачениях, умирительное, торжественное пение, непривычное для здешнего храма архиерейское служение – все это высоко настраивает души молящихся. <...>

Окончилась Божественная литургия, и крестный ход направился на кладбище. Тихо колышутся в воздухе сотни хоругвей, которые с крестными ходами прибыли из окрестных сел. Дивную картину представляет этот ход с десятками священников и двумя архипастырями во главе и с тысячами народа. Хор исполняет ирмосы Великого канона. Прибыли к кладбищу. Хоругвеносцы остановились перед кладбищем, и лишь священнослужители и некоторые из сопровождавших крестный ход вошли на кладбище. Тысячи народа уже ожидали нас там. По благословению преосвященного руками иереев был вынесен из склепа гроб с останками отца Феодосия Левицкого и положен в новый, принесенный с крестным ходом гроб, и началась панихида.

Сердцем и душой молились все за вновь представшего пред глазами своей паствы, давно почившего пастыря Балтского!

„Упокой, Господи, душу усопшаго раба Твоего“, – повторяли тысячи уст за священнослужителями – и стар и млад, и православные и иноверные молились о причтении его к лику праведных. <...>

Было четыре часа пополудни, когда гроб с останками отца Феодосия Левицкого был принесен, наконец, в храм обители. <...> Закончить дело – похоронить отца Феодосия в приготовленном склепе под храмом – преосвященнейший^а предоставил настоятелю монастыря, преосвященному Амвросию, с братией монастыря. <...>

Народ весь день до поздней ночи приходил прикладываться ко гробу отца Феодосия, кладя здесь, у гроба, свои свечки трудовые и молясь об упокоении души чтимого пастыря в Царстве Небесном».

Это торжественное событие стало отмечаться и на следующий год.

«В этот день Божественная литургия совершена была преосвященнейшим Амвросием в сослужении шести священников и трех диаконов в Свято-Николаевской церкви города Балты. По окончании литургии крестный ход во главе с преосвященным двинулся к кладбищу – к месту бывшего упокоения отца Феодосия. У Феодосиевского монастыря к этому крестному ходу присоединился крестный ход из монастырской церкви во главе с наместником архимандритом Варлаамом^б. Толпа в несколько тысяч <...> богомольцев двигалась вместе с крестным ходом к кладбищу. Когда крестный ход остановился у бывшей могилы отца Феодосия, преосвященный Амвросий обратился к народу с поучением, в котором, назвав кладбище городом мертвых, указал на то, сколько поучительного в этом городе мертвых, в частности сколько поучительного представляет для нас могила отца Феодосия, этого усердного молитвенника и подвижника, собравшего теперь к останкам своим такое множество поклонников».

Став епископом Балтским, владыка Амвросий по должности стал председателем Совета Свято-Троицкого православного миссионерского братства, дела которого к этому времени оказались довольно запутанными. В 1905 году епископ Подольский и Брацлавский Парфений (Левицкий) в качестве помощи приходскому духовенству в деле религиозно-нравственного просвещения народа начал издание популярных религиозных книг и брошюр. В 1907 году епархиальный съезд духовенства принял решение ежегодно выдавать Свято-Троицкому братству на это издание 1 500 рублей; однако в 1909 году по решению того же съезда выдача средств была прекращена. Братство направило новому правящему архиерею, епископу Подольскому и Брацлавскому Серафиму (Голубятникову), доклад, подписанный владыкой Амвросием как председателем Братства, в котором говорилось, что «в настоящее время, когда Православная Церковь Подольская отовсюду подвергается гонениям и натискам не только со стороны католического духовенства, огромными массами распространяющего среди своего и православного населения брошюры и листки явно тенденциозного характера, лишь бы унижить веру православную и возвеличить католическую, но и со стороны внутренних врагов многострадальной Руси, со стороны всех ее социалистов и революционеров, распространяющих пагубные и зловерные идеи путем журналов, газет, листов и брошюр, которые как платно, так и бесплатно

---

^а Епископ Подольский Серафим (Голубятников).

^б Архимандрит Варлаам (в миру Петр Карпович Козуля; 1871–1937), впоследствии епископ Оренбургский.

рассылаются ими в широкие массы народа, Свято-Троицкое братство, обремененное долгами, без посторонней помощи не в состоянии бороться и тем же оружием побеждать врагов православия». Этот доклад епископ Серафим распорядился напечатать в журнале епархиального съезда духовенства.

Начало второго десятилетия XX столетия стало для России временем крайне тревожным – недавно окончившаяся революция с ее многими жертвами, создание Государственной думы, организации, явно не соответствующей национальным устремлениям и духу русского народа, массовое появление рационалистических сект, куда попадало немалое число простых русских людей, желавших разумно постигать истины христианского вероучения и вместо этого погрязавших в еще горшей тине заблуждений. Все это подвигло епископа Амвросия вновь и вновь обращаться к пастырям, убеждать их сколь возможно энергичней браться за дело, к которому они были призваны, стараться разобрататься в причинах происходящего, чтобы находить наиболее действенные средства для преодоления наступившего в стране религиозного и государственного кризиса.

«Христианское просвещение России, – писал он в одном из своих обращений к пастырям, – пошло очень быстро на первых порах, о чем свидетельствуют не только письменные памятники истории, но и имена святых киево-печерских подвижников, а также князей и княгинь, просиявших в то время. Но нашедшая неожиданно черная туча – татарское тяжкое иго на время остановило на Руси успехи христианского просвещения, впрочем, не отвратило все-таки народа русского от христианства. Напротив, оно приучило русское сердце к терпению, научило его искать утешения и спасения в скорбях в Боге, в крепкой вере в Него и в надежде на Него. <...> Но вот пришел конец испытанию, помиловал Господь народ Свой, миновало татарское иго, и народ русский, мало-помалу оправляясь от этой тяжкой беды и печали, начал постепенно возвышаться в своем духовном развитии, в своем просвещении. Впрочем, и в это время, как и до татарского нашествия, просвещение это было действительным просвещением, потому что оно основывалось на вере во Христа и питалось корнями этой веры: церковная служба, чтение книг богослужебных <...> да святоотеческих <...> – вот главные пути и средства сего просвещения. И так дело шло вплоть до Петровских реформ. Единство источника и способов просвещения объединяло весь русский народ всех классов от великого князя или царя и их бояр и до последнего смерда или раба как бы в одну громадную семью, в один тесно сплоченный колоссальный организм <...>. И вот, с указанного сейчас времени (с Петра I) этот сплоченный народный организм как бы раскололся на две половины (неравные): высший, передовой класс, увлекшись реформами и внешней стороной жизни западных народов, постепенно стал терять веру своих отцов и дедов, стал отделяться от низших классов и вместе нравственно развращаться. А эти низшие классы, оставшиеся при старой своей вере, но обессиленные разрозненной жизнью с покинувшими их классами высшими, хотя и остались на верном пути, но, ослабленные, не могли успешно идти по нему вперед. Так в общем стоит это дело и до наших дней.

И теперь образованные классы большей частью держатся в стороне от Церкви и народа, который оставлен почти исключительно на попечение одних своих священников в отношении духовного руководства его жизнью. А между тем времена изменились. Жизнь в последнее время стала идти более ускоренным темпом, захватывая в своем водовороте и народные массы. Народ, прежде

живший преданностью, нередко слепой, верованиям своих отцов и дедов и укладам стародавнего житейского быта, теперь начал обнаруживать стремление относиться ко всему более сознательно и критически, отказываясь нередко принимать многое на веру, как это было до сих пор. <...> Вот и нужно нам помочь крестьянской среде в семье выработать и укрепить новые порядки, понятия, уклады бытовой и семейной жизни на чистом христианском основании. Все это нужно делать неустанно, энергично и везде, где только представится к тому возможность: в церкви, в школе, при требоисправлениях, в доме у себя и прихожан, устно и письменно.

Да, трудное это дело и очень, очень много его. Хорошо, если мы здесь найдем себе помощников в лице местных образованных и добрых людей: помещика, арендатора, волостного писаря, учителя или псаломщика. А если нет, то и тогда не будем унывать, но ревностно будем вспахивать ту ниву, на которой трудились деды и прадеды наши: это наше привычное, святое дело. Мы и тогда не одни: всемогущий Господь нам помощник! А с Его всеильной помощью – смотрите, что могли творить такие пастыри, как отец Иоанн Кронштадтский, Амвросий Оптинский, Феодосий Балтский и многие, многие другие! И нуждались ли они для себя и других в материальных средствах, о которых у нас иногда так много говорят? Не исполнилось ли на них явно, наглядно слово и обещание Господне: „ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам“ (Мф. 6, 33)? <...>

Но „один в поле не воин“. В настоящее трудное время всем пастырям <...> нужно сплотиться в дружную рать под руководством своих архипастырей и дружно устремиться на многочисленных врагов наших – видимых и невидимых. Пусть начнут более ретивые, а за ними пойдут и ленивые. А начав эту верную, святую работу, всякий сам увидит, можно ли, не грешно ли предаваться тому „невинному“ препровождению времени (вроде карточной игры, табакокурения или пустой болтовни на вечеринках), как это делают сейчас иные. Такой ли жизни учат нас те бесчисленные наши духовные светильники, которым мы не только можем, но и обязаны подражать?!»

Епископ Амвросий усиленно призывал священников к подвигу поста и молитвы, свидетельствуя тем самым, что и тем и другим в то время пренебрегали. Он ставил им в пример жившего во времена духовного упадка преподобного Симеона Нового Богослова и призвал пастырей не упускать в особенности период Великого поста, чтобы очистить душу и найти в это благодатное время общий язык с паствой.

«Самое подходящее время – святая Четыредесятница, когда пастырям поневоле приходится говеть с их паствами, – писал он. – Но горе тому пастырю, который именно поневоле говеет, лучше бы ему тогда не только священного сана не принимать, но и на свет не родиться. Когда спрашивали преподобного Симеона, что такое есть иерей и священство, – он со слезами ответил, говоря: „Увы, братие мои! Что спрашиваете вы меня об этом? Это такое дело, о котором и подумать страшно. Я недостойно ношу иерейство, но знаю хорошо, каким должен быть иерей. Он должен быть чист телом и душой, не запятнан никаким грехом, смиренен по внешнему нраву и сокрушен сердцем по внутреннему настроению. Когда литургию поет, должен умом созерцать Бога, а очи вперять в предлежащие Дары“... Так говорил преподобный о священстве и умолял не искать сего таинства, высокого и страшного для самих ангелов, прежде чем придут в ангелоподобное состояние посредством долгих и многих над собою трудов и

подвигов. О, не о том мы говорим, что пастырь не должен заботиться искоренить среди своей паствы грубые пороки. Напротив: он обязан это делать старательно и мужественно, решительно и безбоязненно удаляя упорных во грехах от Чаши Господней, дабы иначе вместе с ними самому не подвергнуться каре Господней за неуважение к этой великой святыне (ср.: 1 Кор. 11, 27–32). Но все наши рассуждения приводят к той мысли, что в этом не все еще и не главное: необходимо самим пастырям через говение (возможно непрерывное) приобретать – и паству сему учить – дух смиренного умиления, ибо такая только душа способна к богообщению, способна стать обителью Духа Божия, что и должно быть главной и конечной целью жизни христианина».

14 февраля 1914 года владыка Амвросий был назначен епископом Сарапульским, викарием Вятской епархии 19 марта он прибыл в Вятку, а утром 23 марта – в Сарапул и сразу же отправился в Вознесенский собор служить литургию. После богослужения он обратился к пастве со словом, заверив ее, что двери его дома всегда будут открыты для всякого, кто нуждается в совете и духовной поддержке.

В тот же день, после вечерни в Крестовой церкви, епископ посетил духовный концерт музыкального общества и был удивлен и обрадован тем, что в его викариатстве служит талантливый духовный композитор, протоиерей Алексей Чистяков³.

На Благовещение епископ Амвросий служил в женском монастыре, а вечером – читал акафист Божией Матери в Вознесенском соборе. Стоя среди переполнявшего храм народа, он пел молитвы вместе со всеми. «Со времени епископа Михея⁴, – отмечали молящиеся, – еще не наблюдалось такого интереса к богослужению и такого подъема религиозного чувства». На следующее утро владыка посетил духовное училище, приятно отметив благоустроенность училищного храма.

На Пасху, 6 апреля, епископ Амвросий обратился к сарапульской пастве со словом поучения, которое было заблаговременно напечатано и затем роздано во все храмы города. «В наступающие дни Святой Пасхи особенно скорбит и смущается мое сердце, ибо слышу, что эти, как и другие великие праздники здесь проводятся многими христианами <...> по-язычески: в пьянстве, сквернословии, драках и буйстве, нередко кончающемся не только тяжкими увечьями, но даже и – смертоубийствами. <...> Разве вы не слышали, чему учит нас апостол Павел – эта труба вселенной. „Или не знаете, – гремит сей громогласный учитель, – что неправедницы Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, <...>, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищницы – Царства Божия не наследуют“ [1 Кор. 6, 9–10]. Если каждый из этих грехов лишает повинного в нем надежды на Царство Божие, – то может ли надеяться войти в него пьяница, который через пьянство свое впадает обычно во все эти грехи?! Христос воскрес, – и всем верующим в Него открыты двери Царства Небесного и блаженства вечного. Зачем же ты, несчастный пьяница, валяешься в своем грехе, как свинья в болотной тине? Неужели думаешь и ты войти в Царство Божие? Жена и дети твои тобою гнушаются, порядочный человек стыдится принять тебя в дом свой, а ты надеешься войти в светлые небесные обители... твое место во аде со злыми демонами. Не допустим же этого, братие, но с братской любовью будем друг друга предохранять и спасать от постыдных грехов и ужасной гибели. Не посрадим своего высокого христианского звания и святого имени!»

С первого дня Пасхи епископ Амвросий в течение двух недель ежедневно совершал богослужения поочередно во всех храмах Сарапула. Церкви все эти дни были переполнены народом. Епископ посетил сарапульскую тюрьму, христосовался с заключенными и подробно расспрашивал, за что каждый из них отбывает наказание.

17 апреля он посетил женскую гимназию и сказал слово, разъясняя воспитанницам, «в чем заключается истинная красота женщины, и что ученицы должны развивать и воспитывать в себе эту духовную красоту, а средства для этого – глубокая вера и искренняя молитва Богу». Встретившись с преподавателями, он посетовал, что в гимназии нет своего храма, и посоветовал совершать в гимназии хотя бы вечерние богослужения накануне воскресных и праздничных дней.

На следующий день епископ посетил реальное училище и после общей молитвы обратился к учащимся со словом наставления, отметив, что «проходимые ими науки нужно изучать усердно, но главное внимание нужно обращать на солнце наук – науку евангельскую, которая готовит нас к самому важному экзамену жизни, который каждому человеку приходится сдавать перед тем, как и душа его переселяется в другой, загробный мир». Посетив все храмы и учебные заведения города, владыка направился в сельские храмы викариатства.

Одним из серьезнейших вопросов, стоявших тогда перед правительством, Церковью и обществом, был вопрос о пьянстве, губившем многие тысячи людей. Вопрос этот при всей своей давности и серьезности оставался неразрешенным. В те годы общество, и в особенности его церковная часть, усиленно искало пути преодоления этого губившего народы России порока. И не вина была Церкви, не имевшей государственных рычагов воздействия, что результат ее усилий остался весьма ограниченным.

В Вятской губернии, как и во многих губерниях России, были учреждены тогда общества трезвости. В Сарапульском викариатстве первое такое общество возникло в городе Елабуге. Один из главных инициаторов этого благого дела, благочинный городских церквей Елабуги, говорил впоследствии: «Всякое дело в одиночку делать труднее. Многого из того, что по борьбе с алкоголизмом делается и сделано уже по разным местам, мы не знаем. От этого нередко бываем слабыми, неуспешными, нерешительными и боязливыми. Иногда хотелось бы сделать и то, и другое, да боишься новизны, боишься трудов и возможного неуспеха. А между тем и не подозреваешь, что в то время, когда ты растерянно думаешь, не зная, с чего и как начать, в другом месте, почти рядом с тобой, уже давно работают, и работают с благословенным успехом. Добрый пример, подоспевший вовремя, нередко служит толчком к тому же для многих, менее решительных натур. Доброе слово, благовременный совет, братское сочувствие, поддержка, удачный опыт, успехи других – все это неотразимо действует на душу человека, вдохновляет человека, влечет его к подражанию. Все эти соображения и побуждают тружеников в той или другой области время от времени собираться и вместе делиться по-братски данными указаниями жизненного опыта. <...>

11 февраля текущего года, во вторник на сырной седмице, или нашей так называемой языческой масленице, в моей квартире собрались четырнадцать иереев, собрались побеседовать о трезвом деле. Из них шесть было городских священников, а восемь из уезда, в том числе были все благочинные уезда. Это частное совещание было первой попыткой к знакомству, к объединению борцов

за трезвость среди пастырей нашего уезда.

Обсуждая вопрос о наилучшей постановке трезвого дела в уезде, все мы пришли к единодушному заключению о необходимости, в целях объединения, укрепления и братской поддержки борцов за трезвость народную, устроить в городе Елабуге уездное собрание для духовенства нашего уезда, для всех желающих принять участие в этом важном и неотложно-необходимом пастырском деле. Наметили мы и вопросы, которые желательно бы было обсудить на этом уездном пастырском собрании...»

Собрание с участием епископа Амвросия прошло в Елабуге 20 мая 1914 года. Открывая заседание, епископ призвал присутствующих бороться не только с народным пьянством, но и с другими пороками, разъедающими народный организм, такими, как «непочтительность к старшим, сквернословие, распутство и хулиганство. Всякая борьба бывает тогда успешна, когда употребляются верные и наилучшие способы для одоления врага, – сказал он. – В борьбе с народными язвами нужны меры духовного свойства, и прежде всего церковного характера, так как народ наш, воспитанный издревле под глубоким влиянием Церкви, не утратил еще любви к своей матери – Церкви Православной и покорности ее святым велениям. Но прежде всего борцам нужно воодушевление. Где же его черпать? <...> В молитве к Богу и церковном богослужении. Церковная служба имеет великую воспитательную силу, почему первое место в ряду мер церковного характера должно занимать богослужение. Такие великие психологи, как Ф.М. Достоевский, и знатоки народной души, как С.А. Рачинский, давно указывают на высокое воспитательное значение церковного богослужения. Как богата древность великими столпами благочестия, святыми угодниками! Где они находили воодушевление в великих своих подвигах, как не в молитве, вводившей их в общение с Самим Богом, и в церковном богослужении, всю силу и красоту коего они прекрасно понимали и усвоили. Но пастыри Церкви должны помнить, что великая воспитательная сила богослужения не только в его торжественности, но и в истовом его совершении, когда служащий не упускает из вида ни одной мелочи. Такие действия, как крестное знамение, благословение молящихся, каждение и т. п., часто совершаются и неправильно, и небрежно, что производит на молящихся, лиц глубоко религиозных, весьма неприятное впечатление. Необходимо неустанно следить и все совершать за богослужением чинно, по уставу и с глубоким благоговением, что и будет производить на молящихся сильное воздействие и оставлять религиозный след в душах их. Нельзя упустить из внимания и другое печальное явление нашего времени: очень мало обращается внимания на изменяемую часть богослужения – стихиры, каноны и т.п. Большая часть изменяемого состава богослужения опускается: поются одна-две стихиры, а на канонах читаются один-два тропаря, а иногда и совсем не читаются. Между тем здесь-то и содержатся мысли, хвалы и славословия воспоминаемому событию или святому, здесь-то именно и содержится то, что отличает этот праздник от другого. <...> Пастыри должны в широкой мере пользоваться проповедью церковною и внебогослужебною как могучим средством влияния на народ, прибегая к проповеди в школе, в домах прихожан, при случайных встречах с ними, благовременно и безвременно... [Ср.: 2 Тим. 4, 2]. Сила проповеди не в красноречии, а в задушевности, в способности затронуть душу слушателя и оставить в ней след, заложить в нее семя правды Божией. <...>

Необходимо обратить серьезное внимание также на богослужебное пение и чтение. Чтение должно быть громкое, внятное, отчетливое, слышное и понятное

каждому стоящему в храме. Не следует думать, что наш темный народ не понимает церковнославянский язык и что поэтому для него безразлично, хорошо или плохо читают. Во-первых, не все в церковных книгах непонятно, а во-вторых, действительно темные и неудобные для быстрого уразумения слова и выражения внимательные слушатели понимают своим чутьем и во всяком случае даже и неграмотные уразумевают общий смысл того или другого чтения или церковной песни, если слова ясно и отчетливо доходят до их слуха. <...> Пение нужно устраивать всенародное, всюю церковью, а не увлекаться искусственным хором. Пение искусного хора ласкает слух, а пение всенародное захватывает всего человека и мощно увлекает его присоединить и свой голос к общему славословию своего Благодетеля – Бога. При общем пении полезно священно-, церковнослужителям и другим лицам, обычно стоящим на клиросе, вставать среди народа для лучшего руководства пением. Все эти меры, постоянно и не за страх, а за совесть исполняемые, окажут скорое и сильное влияние на паству и повлекут народ в церковь, а не от церкви, что с болью в душе приходится наблюдать в последнее время.

В частности, в борьбе с народным пьянством, помимо всех указанных выше мер, краеугольным камнем должна лежать личная трезвость духовенства. Пьяный пастырь – явление нетерпимое, это позор духовного сословия, это великий соблазн для паствы. Большой грех берут на себя те отцы благочинные, которые скрывают от своего начальства таких пьяных клириков, обычно оправдывая себя тем, что у такого пьяницы есть жена, дети, что в случае запрещения в священнослужении или лишения места такого пьяного клирика семья его должна остаться без куска хлеба.

Не странное ли явление: сам отец не жалеет свое семейство, пропивает его достояние, позорит своим недостойным поведением, а другие должны жалеть его и все прощать ему ради его семьи. С другой стороны, если жаль одну семью, то тем более следует пожалеть сотни и тысячи других семейств, соблазняемых своим пастырем и оправдывающих свое недостойное поведение примером своего пастыря – духовного отца их. Какой успех может иметь проповедь о трезвости у такого пастыря, да разве и может он говорить искренно о трезвости, доказывать необходимость ее для земного благополучия и спасения вечного? Этим именно и объясняется полная безуспешность борьбы с пьянством в некоторых приходах. Слова о трезвости раздаются, но примера трезвости не дается. <...> Никогда не нужно забывать слов святого апостола Павла: „аще брашно соблазняет брата моего, не имам ясти мяса во веки“ [1 Кор. 8, 13]».

На следующий день после пастырского собрания, 21 мая, в Елабуге был устроен в первый раз праздник трезвости. Духовенство города и уезда направило ходатайство вятскому губернатору о закрытии на этот день винных лавок, пивных и всех питейных заведений. Властями оно было удовлетворено. В храмах города состоялись торжественные богослужения; священники говорили слово о вреде пьянства, по городу прошли крестные ходы, четыре крестных хода пришли из загородных сел, на соборной площади состоялся молебен, после которого епископ Амвросий сказал слово о вреде пьянства, сравнив этот порок с истуканом, у которого сахарная голова, так как он манит сладким, глиняное, наполненное всякой мерзостью чрево и соломенные ноги. Такой же праздник трезвости был устроен в Елабуге и на следующий год.

В мае 1914 года Сарапул постигло стихийное бедствие: из-за разлива Камы оказалась затоплена значительная часть города, многие дома были снесены

водой. Узнав о происшедшем, епископ ночью прибыл в город. Утром он выехал осмотреть последствия разрушений. В тот же день, 13 мая, по инициативе епископа состоялось совещание городской администрации и представителей духовенства, на котором было решено принять незамедлительно меры для уменьшения последствий стихийного бедствия. Был образован комитет помощи пострадавшим от наводнения под председательством епископа Амвросия, который благословил сделать добровольный сбор во всех храмах города в пользу пострадавших. Все присутствовавшие на совещании тут же пожертвовали средства кто сколько смог на организацию столовых. Городской голова согласился с предложением собравшихся – провести экстренное заседание городской Думы, чтобы учредить городской комитет для координации всех действий по оказанию помощи пострадавшим и принять решение о выделении на это средств. Приходы Покровской и Троицкой церквей на следующий день открыли бесплатные столовые для пострадавших от наводнения.

Однако вместе с положительными явлениями, с примерами жертвенной помощи попавшим в беду попущенное Богом бедствие вскрыло и явления отрицательные – обнаружилось люди, которые, пользуясь бедой, занялись разграблением чужого имущества. Крестьяне некоторых деревень, расположенных ниже по течению реки и в окрестностях города, стали вылавливать плывущий по реке скарб и присваивать его себе, дерзко иногда игнорируя протесты присутствовавших тут же хозяев, тщетно пытавшихся вернуть свое имущество. Расхитители продавали чужое имущество за бесценок, а полученные деньги тут же пропивали; что не удавалось продать сразу, припрятывалось для последующей продажи. Для предупреждения грабежей по затопленным улицам города стали курсировать лодки с отрядами полиции.

Епископ Амвросий обратился с посланием к жителям города. «Граждане города Сарапула воочию видят бедствие, постигшее обитателей низменной части города, – писал он. – Многие семьи не имеют хлеба насущного в буквальном смысле этого слова. Тяжелая безысходная нужда грозит ужасными последствиями и всем нам. При отсутствии надлежащих теплых приютов разовьются заболевания тифозного характера, а на почве недоедания и даже голодовки появится цинга и другие болезни. Беда родит беду. Необходимо воспрянуть всеми возможными мерами на борьбу с постигшей бедой. А прежде всего и скорей – не завтра, а сегодня же – накормить голодных. Добрый гражданин! Пойми, что к тебе обращается за куском хлеба твой действительно голодный брат! Лаская своих милых деток, вспомни деток несчастных, забравшихся на холодные чердаки, деток полуодетых, просящих только поесть!..

Вспомни о них и скорей, скорей неси свою лепту на хлеб им. На эти лепты открываются питательные пункты, откуда действительно нуждающиеся получат и горячую пищу».

В 1914 году был поднят вопрос о строительстве в Елабуге нового собора. Некоторые считали, что его надо строить на новом месте, на окраине города; епископ Амвросий полагал, что надо перестраивать старый собор, так как на постройку нового потребуется 300–400 тысяч рублей, которые негде будет найти.

«А где источники, где жертвователи? – вопрошал он. – Увы, увы, они иссякли, перевелись... У нас теперь кто имеет миллион, ночей не спит, а все думает, как бы поскорее нажить другой; а кто имеет 900 тысяч, тот буквально хворает душой и телом и жаждет сколотить недостающие до миллиона 100 тысяч, хотя бы у него не было вовсе никакой семьи. И никакие вразумления тут не помо-

гают: ни скандальные поминки богатых наследников-сыновей по миллионере-отце, ни печальная внезапная кончина другого богача, городского воротилы и заправилы, ни добрые советы и вразумления на основании учения Христова, евангельского, <...> ибо непреложно слово Божественного Учителя, что очень трудно богатому расстаться со своим богатством и спасти душу свою... [ср.: Мф. 19, 23]. А без надлежащего обеспечения новому собору пришлось бы переживать печальные дни. Подобный пример у нас налицо – это новый Александро-Невский собор в Вятке: несмотря на то, что к нему приписали кладбище и одну соседнюю церковь, – вся епархия теперь привлекается к участию в сборе на его содержание...»

Как и всегда, епископ в пасхальные дни посещал неимущих. В 1915 году в первый день после Пасхи он посетил больных в земской больнице, на другой день – в больнице Курбатова и призираемых в богадельне, на третий – заключенных в тюрьме.

С 28 апреля епископ Амвросий предпринял поездки по викариатству, 13 мая он прибыл на Ижевские заводы, и здесь состоялся большой крестный ход. 14 мая после литургии в Александро-Невском соборе крестный ход вышел на Михайловскую площадь, где епископ обратился к собравшимся рабочим со словом. Обрисовав тяжелое положение русского народа, значительно ухудшившееся вследствие войны, епископ напомнил недавнее доброе время, когда была запрещена винная торговля. Но недолго это продолжалось, вскоре развилась подпольная торговля, и среди русских снова стал распространяться этот страшный порок. «Мера долготерпения Божия, – закончил епископ, – может окончательно истощиться, и над русской землей может разразиться страшный гром гнева Божия. Господь долго ждет, да больно бьет».

В начале XX столетия техническое развитие делало все большие успехи, производя иной раз на людей, выросших в XIX столетии, впечатление подавляющее. Это было развитие не только в области строительства домов, заводов, железных дорог и т. п., но и в применении технических средств для пропаганды идей и влияния на умы и души. Открывались все новые и новые типографии, умножались издания газет, развивалось такое невиданное до сего средство пропаганды, как кинематограф. Это порождало новую проблему: сталкиваясь с техническим прогрессом, цензура становилась беспомощна, между тем как в появлявшихся в это время новых средствах массовой информации, газетах и журналах, все чаще публиковались материалы безнравственного и соблазнительного характера. Быстрыми темпами шла легализация греха, формирование о нем среди народа представления как о явлении «нормальном». Преследуя зачастую цели материальной наживы, хозяева средств массовой информации не чуждались распространения через них слухов, сплетен, суеверий и прямой лжи; отец лжи дьявол как бы сам вошел в мир под предлогом необходимости сообщения разного рода «полезных сведений».

21 января 1916 года на очередном заседании Сарапульской городской думы, где присутствовал и епископ Амвросий, он пожелал лично довести до членов Думы свое прошение. Перед началом заседания он предложил прочесть молитву «Царю Небесный», что вызвало раздражение у большинства членов Думы, не имевших обыкновения молиться, а затем зачитал текст прошения. Епископ просил думцев запретить работу кинематографа в предпраздничные дни, указывая, что в показываемых картинах проповедуются убийства и разврат, а между тем их посещают дети, развращаясь таким образом вместе со взрослыми.

«Это зло, о котором нужно кричать», – заключил епископ.

Началось обсуждение. Было предложено установить строгую цензуру; однако некоторыми было замечено, что не все картины могут быть дурными, есть и исторические, и познавательные. Епископ попросил, чтобы картины не показывались в предпраздничные дни, потому что эти дни – начала праздников – установлены для молитвы, а кто собирается в кино, у того другое настроение, он уже ко всеобщей не пойдет. Кто-то возразил, что можно и после всеобщей пойти на какое-нибудь полезное мероприятие, или пойти в гости, или куда-нибудь еще. Кто-то предложил рассмотреть это дело в комиссии. Епископ, выяснив, что у предложившего есть дети, заметил ему: «Странно, что вы этот вопрос, который касается блага всех христиан, хотите похоронить в комиссии». Он напомнил присутствующим, что по церковному Уставу человек, не посещавший храм в течение трех воскресных дней, отлучается от Церкви⁵. Приступили к обсуждению вопроса о цензуре, но оказалось, что никто не был готов к его обсуждению. Думцы попытались и этот вопрос направить для обсуждения в комиссию, и епископ заметил: «Спектакли бывают хорошие и сомнительные. Но развлечения в предпраздничные дни позорят русскую землю. Города и селения просят прекратить это зло».

В уважение к настойчивым просьбам архиерея «Дума постановила просить губернатора об установлении строгой цензуры за картинами <...> и о воспрещении всякого рода увеселений в предпраздничные дни после шести часов вечера».

14 мая под председательством епископа Амвросия состоялось собрание духовенства Сарапула. Епископ обратил особенное внимание священников на то, что в городе почти не ведется борьба с пьянством, общества трезвости бездействуют в отличие от таких же обществ в Елабуге, нет истового исполнения богослужений в храмах. Он выразил пожелание: вернуться к древнему обычаю, когда женщины и мужчины стоят в храме отдельно, сказал, что нужно более вдумчивое преподавание Закона Божия, укрепляющее учеников в вере и благочестии.

Лето 1916 года в Сарапуле ознаменовалось конфликтом между епископом Амвросием и гласным Сарапульской городской думы В.В. Михелем и его родственником, старостой городского собора Поляковым. Михель был отлучен епископом от причастия за прелюбодейную связь. В конфликте между епископом и Михелем с Поляковым на сторону последних стал вятский губернатор Руднев, недовольный произнесенными в соборе проповедями епископа, в которых тот критиковал принимавшиеся во вред Православной Церкви законы и действия некоторых должностных лиц. «Ввиду того, что епископ неоднократно <...> позволял себе», по мнению губернатора, «недопустимые выступления <...>, Руднев ходатайствовал о переводе епископа Амвросия из Вятской губернии, как человека невыдержанного и восстанавливающего против себя все классы общества».

Святейший Синод не согласился с мнением губернатора и оставил епископа в Вятской губернии, с 5 октября 1916 года постановив именовать преосвященного Амвросия епископом Сарапульским и Елабужским, викарием Вятской епархии.

Но жалобы на епископа продолжали поступать в Святейший Синод. 2 декабря 1916 года Синод снова рассмотрел жалобы на епископа Амвросия и его архипастырскую деятельность, но снова не нашел никаких оснований для перевода его из Сарапула.

5 декабря епископ Амвросий направил жалобу на вятского губернатора министру внутренних дел, в ней он писал: «Мне остается усерднейше просить Ваше Высокопревосходительство оградить меня на будущее время от вмешательства местной гражданской власти в церковные дела. У господина Губернатора достаточно своего дела по Вятской губернии, еще неустроенной настолько, что, например, весной и осенью там положительно можно утонуть в грязи и нельзя проехать даже по главным дорогам».

24 декабря директор Департамента общих дел МВД П. Стремоухов, к которому поступило дело, попросил у вятского губернатора объяснений относительно содержания жалобы.

6 января 1917 года вятский губернатор, не отвечая на жалобу по существу, написал, что «оставление епископа Амвросия в Сарапуле не может послужить миру церковному, а, наоборот, внесет еще большую смуту и раздражение среди жителей города Сарапула. По имеющимся у меня сведениям, местный преосвященный на днях должен по поручению Святейшего Синода произвести расследование о действиях епископа Амвросия по жалобе Михеля».

9 января 1917 года в Сарапул из Вятки прибыл епископ Глазовский, викарий Вятской епархии Павел (Поспелов) в сопровождении секретаря Вятской духовной консистории для расследования жалоб Михеля и Полякова на епископа Амвросия.

В середине января верующие Сарапула послали петицию епископу Вятскому Никандру (Феноменову), свидетельствуя, что «ревностное и благочестивое служение Амвросия, епископа Сарапульского, ценится верующими города Сарапула. А потому и перевод [его] из города Сарапула из-за господ Михеля и Полякова был бы искренне верующему населению города Сарапула незаслуженною обидою».

После Февральской революции попытки изгнать епископа Амвросия из Сарапула возобновились, и 6 марта 1917 года обер-прокурору В.Н. Львову была направлена телеграмма, подписанная сарапульским городским головой, с требованием удалить епископа из города «за общее вредное направление деятельности <...> и, в частности, произнесенную им сего числа за обедней <... > в переполненном молящимися соборе проповедь, в которой он восхвалял бывшего царя и в особенности его супругу...»

9 марта телеграмму в Синод отправил и епископ Вятский Никандр, прося перевести епископа Амвросия в другой город. На следующий день, 10 марта, в Синод поступила новая телеграмма, подписанная неким купцом, именуящим себя представителем прихожан сарапульского собора, «о возможном скорейшем переводе епископа Амвросия из Сарапула». 11 марта обер-прокурор В.Н. Львов ответил купцу, что в ближайшее время этот вопрос будет рассмотрен Синодом, и 18 марта 1917 года епископ Амвросий указом Святейшего Синода был «уволен на покой с назначением его управляющим на правах настоятеля Свяжским Успенским Богородицким монастырем Казанской епархии».

В конце апреля епископ Амвросий принял под свое управление Свяжский Успенский монастырь, жизнь которого находилась тогда в крайне расстроеном состоянии. С этого времени начался последний недолгий период жизни епископа в Свяжском монастыре. Описывая жизнь в монастыре в письме к архиепископу Казанскому и Свяжскому Иакову (Пятницкому), он писал: «Церковные службы здесь совершались очень торопливо, небрежно. Трапезу посещали немногие. Духовного чтения за трапезой не производилось. Младшая братия допускала

много всякого самочиния. По-видимому, мой предместник мало обращал внимания на эту сторону обители, а после его отъезда, при безначалии в монастыре и начавшейся анархии во всей России, всякого беспорядка стало еще больше...»

5 августа 1917 года епископ Амвросий обратился к архиепископу Иакову с просьбой разрешить перенести на зимнее время мощи святителя Германа, находящиеся в неотапливаемом Успенском соборе, в теплый храм во имя святителей Германа Казанского и Митрофана Воронежского. В 1894 году в Успенском храме было устроено калориферное отопление, но в зимнее время богослужение в храме совершалось только в праздничные дни, отчего храм отапливался неравномерно, и пострадали древние фрески; они были отреставрированы в 1899–1900 годах. Поскольку основная проблема не была решена, то фрески через некоторое время снова стали связи с войной и общей дороговизной храм, где были мощи святителя Германа, с 1916 года перестали вовсе отапливать, и в зимнее время он фактически оставался все время закрытым, открываясь лишь по просьбам богомольцев, желавших отслужить молебен у мощей святителя. Епископ Амвросий просил архиепископа Иакова ходатайствовать перед Святейшим Синодом о разрешении переносить мощи святителя Германа после литургии и молебна на праздник Покрова Божией Матери из неотапливаемого Успенского храма в отапливаемый, а затем в Фомино воскресенье переносить их с крестным ходом обратно.

Архиепископ Иаков, считая, что богомольцев в Свяжске зимой бывает мало, а поэтому не имеет смысла переносить и мощи, все же написал 12 сентября 1917 года в Святейший Синод, прося удовлетворить ходатайство «в возможно непродолжительном времени в той уверенности, что таковые религиозные торжества были бы встречены с большой радостью окрестным населением и доставили бы ему большое утешение в настоящее, столь печальное для нашей Родины время». Со своей стороны 26 сентября епископ Амвросий и городской голова отправили в Святейший Синод телеграмму, прося ускорить принятие решения относительно переноса мощей; 28 сентября 1917 года Синод удовлетворил просьбу епископа.

Епископ Амвросий возглавил Свяжский монастырь в тот период, когда монашеская жизнь, так и не оправившаяся после разрушительных для Церкви реформ императора Петра I, продолжала по местам переживать значительный упадок и некоторые из насельников монастырей не только не имели представления о монашестве как о внутреннем делании, но не считали себя обязанными соблюдать и внешнее благочестие. Епископ Амвросий как настоятель обители попытался вернуть братию на путь монашеской жизни, и прежде всего церковной молитвы, что привело к столкновению с группой монахов, давно уже поправших монашеские обеты.

29 апреля 1917 года иеродиакон Феодосий (Илюкин), главный зачинщик беспорядков в монастыре, заявил епископу Амвросию, что Февральская революция им на все открыла глаза, на что настоятель выразил свое суждение относительно свершившейся революции. «После этого я счел для себя долгом о таком заявлении епископа довести до сведения законных властей, для чего написал донесение, которое передал начальнику уездной Свяжской милиции», – писал впоследствии иеродиакон.

7 июля иеродиакон Феодосий направил в газету «Социалист-Революционер» написанный им фельетон, в котором поносил действия епископа

Амвросия и сообщал, что уже подал комиссару города Свяжска заявление с просьбой изгнать епископа из монастыря.

10 августа 1917 года свияжский уездный комиссар направил донесение казанскому губернскому комиссару, в котором писал, что «настоятель Свяжского мужского монастыря епископ Амвросий во время встречи Грузинской иконы Божией Матери сказал речь, которой восстанавливал народ против Временного правительства и нового строя. Им были допущены следующие выражения: „теперь нет твердой власти, власть находится в руках бывших каторжан, тюремщиков“ и проч., и „было бы лучше, если бы власть находилась в руках одного человека, самодержца“. При проверке телеграмм комиссией, составленной по требованию контрразведывательного отряда, была изъята телеграмма, в которой Амвросий выражает надежду на восстановление самодержавного строя».

Казанский губернский комиссар потребовал удаления епископа Амвросия из Свяжского монастыря. Дело было передано в министерство исповеданий, и 4 октября 1917 года товарищ министра исповеданий С.А. Котляревский направил запрос архиепископу Иакову «по вопросу об удалении епископа Амвросия из Свяжского монастыря». 7 октября архиепископ ответил, что требуется прежде объяснение по этому поводу епископа Амвросия, а также расследование дела консисторией.

31 октября 1917 года епископ Амвросий направил соответствующее объяснение в Казанскую духовную консисторию. «Все изложенное о моей деятельности в донесении господину товарищу министра исповеданий, – писал он, – настолько далеко от истины, что я по архиерейской совести должен назвать его самой наглой, бессовестной и злонамеренной ложью. Доказательства тому следующие: 1) моя речь при встрече Грузинской иконы Божией Матери была произнесена на городской площади, перед собором, в присутствии многих священников и тысячи народа, и я убежден, что никто из слышавших ее и верующих в Бога не подтвердит, будто бы мной в этой речи были произнесены инкриминируемые мне выражения против нового строя, в защиту прежнего. Как здесь, так и во всех других случаях я проповедовал только в духе тех посланий, которые были объявлены Российской высшей церковной властью.

2) Не помню, чтобы я посылал кому-либо телеграмму с выражением надежды на восстановление в России самодержавного строя. Думаю, что какая-то „Комиссия“ сообщает подложную телеграмму. Впрочем, если бы я или кто-либо другой и позволил себе выражать подобную надежду, как свое личное мнение, в частной телеграмме или письме, то, полагаю, после объявления революционным правительством всех свобод и затем при наблюдении всех тех ужасов, каких мы являемся очевидцами по всей России вообще и в соседней Казани в частности, едва ли дозволившего себе подобную смелость можно бы назвать преступником, особенно если бы он мечтал о самодержавии не в духе Николая II, а Александра III, когда Русь наша была славна, сильна, мирна, а всем ее врагам и злодеям страшна.

3) Полутемной братии своего монастыря я не говорил и не мог говорить против состава Временного правительства того, что сообщает клеветнический донос. А что этот донос именно таков, за это ручается как личность самих доносителей, так и того лица, кому первоначально этот донос сделан. Как выяснилось на бывшем следственном деле иеродиакона Феодосия, донос этот подан за подписью этого последнего и двух его приятелей, монахов Евфимия и

Арсения, начальнику Свяжской уездной милиции Комарову, притом по подстрекательству и наущению последнего. Но названные лица только и делали, что занимались лживыми доносами на меня почти с первых дней моего управления Свяжским монастырем, когда убедились, что при мне придет конец их своевольной и распущенной жизни. И иеродиакон Феодосий <...> при содействии того же Комарова дошел до такой дерзости, что, оклеветав меня предварительно печатно и выбрав публично площадной бранью, он, наконец, будучи еще иеродиаконом принят Комаровым на службу в уездную милицию, решил еще больше обесславить и без того уже достаточную опороченную его безобразным пьянством и буйством обитель – покушением на убийство меня. <...>

В объяснение враждебного отношения ко мне г[осподина] Комарова достаточно, думаю, сказать, что этот бывший каторжник и настоящий безбожник самовольно захватил монастырскую гостиницу даже с частью надворных построек, лишив таким образом наших богомольцев необходимого приюта, и на мое естественное желание избавиться от него ответил подстрекательством братии не только к бунту против меня, но даже – к убийству. Можно ли поэтому доверять или удивляться его ложным доносам? <...>

Конец моего объяснения: на красном коньке моей якобы политической неблагонадежности, при очень уже доверчивом и благосклонном содействии бывшего обер-прокурора Львова, без всякого моего объяснения, вывели меня из города Сарапула некоторые из его граждан – слишком уж рьяных <...> приверженцев революции. На том же коньке еще менее заслуживающие доверия <...> агенты революции пытаются вывести меня и из города Свяжска. <...> Какова деятельность этих господ, об этом достаточно, думаю, свидетельствует то обстоятельство, что при их благосклонном не только попустительстве, но даже и прямом содействии крестьянами Свяжского уезда разграблены и опустошены помещичьи имения и усадьбы, а также присвоены церковные и монастырские земельные угодья. А бедному человеку и за большие деньги трудно добыть хлеба».

Незадолго перед этим, 4 октября, около восьми часов вечера, когда епископ Амвросий шел по монастырскому двору, направляясь в храм на вечернее правило, выскочивший из-за куста иеродиакон Феодосий ударил владыку тяжелым камнем по голове, ранив его, и скрылся в своей келье; он был арестован по подозрению в покушении на убийство и заключен в свияжскую уездную тюрьму.

18 января 1918 года иеродиакон Феодосий подал в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов донос на епископа Амвросия, обвинив его в контрреволюции, и в награду на следующий день был освобожден; тогда же явился в монастырь иеромонах Илья (Борисов), и среди части братии начались совещания об устройении новой жизни и способах удаления из монастыря настоятеля. 2 февраля на основании поданного властям заявления иеродиакона было начато следствие против епископа.

21 февраля 1918 года противники епископа подали в Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов дополнительное заявление. «На основании нового положения, – писали они, – как в государственном строе, а равно и в церковном учреждении, решили учредить в означенном монастыре для управления оным Братский комитет, выбранный из старшей братии, для занятия монастырскими делами. <...>

Вследствие сего Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов просим

постановить и утвердить Братский комитет и уволить от управления епископа Амвросия как находящегося под судом за неблагоприятные поступки, с тем, чтобы заставить его передать избранному Комитету все монастырское имущество, а равно и денежный капитал...»

7 марта 1918 года епископ Амвросий получил повестку: «явиться на суд Свяжского революционного трибунала по обвинению <...> в контрреволюционных действиях» 12 марта к десяти часам утра.

«Не знаю, в чем там будут меня обвинять, – писал епископ в Казанскую духовную консисторию, прося прислать представителя, а также копии дел, которые велись консисторией, – но мне известно, что это обвинение основывается на заявлении всей шайки монастырских кляузников и бунтарей во главе с разбойником – иеродиакон Феоносием».

12 марта епископ Амвросий подал рапорт в духовную консисторию. Поясняя свою позицию, он писал: «При сем препровождаю клировую ведомость по Свяжскому Успенскому монастырю. При внимательном прочтении настоятельских отметок о поведении и качествах монахов сей обители у кого-нибудь может возникнуть такой соблазнительный помысел: „если таково большинство монахов, то, вероятно, не лучше их и сам настоятель“. И последний волей-неволей должен был бы принять на себя подобный упрек, если бы... он не настоятельствовавший такой короткий срок здесь (менее года) и если бы лишен был возможности, так сказать, с документами в руках доказать, что такое печальное наследие он получил от своих предместников. Правда, за последние тридцать пять лет их было сравнительно немного, всего пять человек: архимандриты Вениамин, Аркадий и Афанасий, епископы Иннокентий и Макарий⁶, – но зато ни один из них не мог похвалиться достаточной опытностью и твердостью в управлении. Преосвященный Иннокентий, впрочем, оставил по себе здесь очень хорошую память, но его управление было здесь очень кратковременным. А ближайший мой предместник – преосвященный Макарий с его толстовским непротивлением злу и склонностью принимать к себе всякое отребье довел обитель до такого нравственного падения, до какого она раньше едва ли часто доходила и доходила ли когда-либо? Поэтому, хотя я рад бы сказать вместе с пророком: „да не возглаголют уста моя дел человеческих“ [Пс. 16, 4], но занимаемое мной в обители положение дает ли мне такое право? Не придется ли за врученное мне достояние Божие отвечать пред Богом и людьми? И я готов со всем усердием, до полного самопожертвования потрудиться над очищением этой крайне засоренной нивы, если... встречу надлежащую поддержку с той стороны, откуда я ее вправе ожидать. Но другого способа для очищения этой нивы, как вырывание с корнем пагубной сорной травы, – нет, иначе эта трава заглушит, подавит и добрые семена.

И не следует успокаивать себя мыслью: „не всех же разгонять“, ибо в этом и нет необходимости; но если разогнать отсюда еще (кроме трех уже удаленных) хоть четырех-пять (Антония, Варсонофия, Евфимия, Арсения и Серафима), – то без них обитель отлично справится: „место свято пусто не будет“. Нельзя же, в самом деле, терпеть безбожников и зловредных людей, готовых ради удовлетворения своих низменных страстишек предать безбожникам-большевикам не только настоятеля, но и достояние обители».

12 марта в десять часов утра начался суд. «Коридор, прихожая, терраса, даже двор <...> и набережная, откуда открывается прекрасный вид на волжскую даль, – все полно публики, – вспоминал адвокат епископа. – Но какой публики,

редкий интеллигент и сплошь сермяги!.. Впоследствии, во время процесса, выяснилось, что епископ Амвросий пользуется огромной популярностью не только среди горожан, но, главным образом, в слоях крестьянской массы. В зале, коридорах и на улице, буквально на каждом шагу, вооруженные солдаты с винтовками и штыками: говорили, их было семьдесят солдат. <...> Мне передавали, что в случае обвинения епископа и отправки его в тюрьму горожане ударят в набат, соберут народ и вместе с крестьянами освободят епископа. И обратно передавали: стража скорее убьет епископа, но не отдаст его народу... При напряженном внимании публики входит трибунал: семь народных судей, преобладает солдатская тужурка, один татарин, один крестьянин в красной рубашке, один бывший послушник монастыря, он же – бывший помощник писаря, следовательно, „юрист“ по теперешним временам и понятиям. <...>

Епископ держал себя с достоинством <...>. В зал заседаний вводятся свидетели, их около трехсот человек. <...> Начинается допрос свидетелей. Допрашиваются свидетели обвинения, их немного, из них главные четыре – иеродиакон Феодосий, монах Серафим, монах Евфимий и иеродиакон Лазарь. <...> Самой яркой фигурой явился свидетель обвинения иеродиакон Феодосий. Перед трибуналом предстал детина высокого роста, здоровый, гладко остриженный, с постриженной бородой с проседью, одет мирянином в пальто и больших кожаных сапогах. Держится развязно и вызывающе. Увидавши свидетеля в штатском одеянии, но зная, что свидетель – иеродиакон, состоит в монашестве, я предлагаю ему для разъяснения вопрос:

- Скажите, свидетель, вы кто?
- Я пехотный гражданин, – ответил он.
- Состоите в сане?
- Состою.
- Живете в монастыре?
- Нет, живу на частной квартире у своей невесты.

<...> Выяснилось дальше, что состояние в сане не помешало свидетелю поступить на службу в милицию.

<...> Когда <...> смолк иеродиакон <...> Феодосий, поднялся владыка и представлением официальных удостоверений и справок установил, что свидетель находился под следствием по целому ряду уголовных дел: покушение на убийство своего наместника, прелюбодеяние, клевета, лжедонос...

Кончился допрос Феодосия, выступили следующие свидетели обвинения, бывшие и настоящие монахи, тот же тон свидетельского показания <...> и те же официальные справки и удостоверения с добавлением дел о кражах...

Идет детальный опрос свидетелей... Оказывается, не подвергая ни отрицанию, ни критике принципов народовластия, владыка, однако, называл отдельных лиц „примазавшихся“ к власти, мошенниками, ворами, грабителями, солдат владыка называл изменниками, но это относилось ко времени Тернопольского и Рижского прорывов... Молился за царя... Но здесь выяснилось, что владыка вслух читал псалом, где упоминается имя царя Давида, и, кроме того, возносил молитвы за воинов, положивших свою жизнь за веру, царя и Отечество...

– Не за теперешних воинов я молился, – встал и объяснил владыка, – потому что теперь таких воинов не стало, а молился за тех, кто действительно положил свою жизнь за Родину, за веру, за царя; такие были, например, до революции, в русско-турецкую войну...

– Владыка говорил проповедь, в которой не признавал большевистского правительства, – сказал свидетель...

– Скажите, – предлагаю вопрос, – когда это было?

– На этих днях.

– В каких словах или выражениях он не признавал теперешней власти?

– Он огласил в храме послание Патриарха Тихона...

– Сами вы православный монах? Власть Патриарха признаете?

– Православный. Признаю.

– Если бы Патриарх приказал вам огласить его послание в храме перед народом, огласили бы вы?

– Огласил бы.

<...> Выступала длинная <...> вереница свидетелей защиты. Вот их показания: <...> до прибытия епископа монастырь был до крайности запущен, некоторые братья изленились, спились, вели развратную жизнь, церковную службу запустили, оканчивая всенощную в сорок пять минут, бывали кражи... Владыка сразу и круто приступил к искоренению зла, особенно порочных удалил из монастыря, упорядочил церковную службу, однако это вызвало раздражение и месть, и следствием этого явился донос на епископа в местный Совет солдатских и крестьянских депутатов и дело о нем по обвинению в контрреволюционных действиях. Свидетели – горожане и крестьяне окрестных сел – охарактеризовали епископа как доброго и отзывчивого к бедным, как проповедника, звавшего народ к прекращению междоусобицы, к единению, братству и взаимной любви, [он] звал русский народ к объединению под сенью церквей в православии, к отпору и отражению врага, напавшего на Россию... Ни о контрреволюционных речах, ни о контрреволюционных действиях ни один свидетель ничего не знает и не слышал... Допрос их кончается в седьмом часу вечера. <...>

В восемь часов вечера трибунал встал, чтобы идти в совещательную комнату... Остановливаю судей, требую предоставить владыке последнее слово... Дают... Владыка твердым и решительным голосом заявил:

– Свидетели обвинения – бывшие монахи – возвели на меня дело с целью отомстить мне за те строгие порядки, которые я ввел в монастыре. Виновным себя не признаю ни по одному пункту обвинения. Действовал как пастырь, как внушала мне совесть христианина: ни больше ни меньше. Однако, если бы признали меня виновным, имею одну просьбу: денежному взысканию меня не подвергать, а заключить в тюрьму, потому что денег, лично мне принадлежащих, у меня нет, а деньги, которые я получаю, принадлежат бедным, которым я их раздаю...

После слова епископа трибунал удаляется в совещательную комнату. Публика напряженно ждет приговора. <...> Через два часа выходит трибунал... Епископ оправдан пятью голосами судей против двух... Зал оглашается аплодисментами. Вереницею пошел народ под благословение епископа... Подошел один из судей... Подошел молодой солдат, отставил винтовку и принял благословение. <...>

На следующий день я узнал, что решительно высказался за оправдание епископа судья трибунала – татарин, подал за оправдание и крестьянин в красной рубахе, принявший в начале процесса непримиримую и резко недружелюбную позицию...

Пришлось епископу долго, долго пробираться через густую толпу народа, подходившего под благословение в зале заседания и на улице, пока он не сел в

экипаж и не уехал в монастырь. <...> Наутро в десять часов я отправился в монастырь, чтобы отстоять службу в храме и проститься с епископом. Храм был полон молящихся. <...> Служил епископ. Когда кончилась обедня, владыка вышел на середину храма, <...> пели все молящиеся молитву Богоматери. Голос общего хора покрывался голосом владыки. Голос епископа не выдержал, дрогнул, и по его лицу покатались слезы. Без слов, но все поняли. Понял и я. К горлу приступили слезы, в глазах стало мутно, а сердце... сердце забилося тревожно. <...>

Все поняли, слышались всхлипывания... А владыка молился на коленях и плакал. Плакали все...»

Описывая 18/31 марта в письме в Казанскую духовную консисторию прошедшее заседание революционного трибунала, епископ Амвросий писал: «Приговор был вынесен оправдательный пятью-шестью голосами против двух: председателя и учителя...»

Епископ Амвросий просил перевести монахов, обратившихся к гражданской власти и обвинивших своего настоятеля в контрреволюционной деятельности, в другие монастыри.

3 мая 1918 года в Свяжский монастырь прибыла комиссия в составе члена Казанского епархиального совета архимандрита Иоасафа (Удалова)^а, благочинного 1-го округа монастырей Казанской епархии игумена Феодосия и настоятеля свияжской Софийской церкви священника Константина Далматова, чтобы расследовать беспорядки в монастыре и причину взаимных жалоб настоятеля и братии. По расследовании всех обстоятельств ими был составлен отчет.

«Документами и опросами устанавливается, – писали они, – виновность братии Свяжского Успенского мужского монастыря в обращении к содействию к гражданской власти помимо епархиального начальства для разрешения своих недоразумений с настоятелем монастыря епископом Амвросием, причем часть братии монастыря <...> являются виновны в том, что они подписывались под заявлением к начальнику Свяжской уездной милиции, хотя не отдавали себе ясного отчета, кому это заявление будет направлено. <...> Другая часть братии монастыря <...> являются виновными в сознательном стремлении, при содействии гражданской власти, к удалению епископа Амвросия из монастыря с передачей всего управления монастырем, его имущества и капиталов самочинно избранному ими из своей среды Братскому комитету, об утверждении коего они опять-таки обратились в Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов...» Члены комиссии составили заключение о мерах наказания, которым следовало подвергнуть виновных монахов.

Митрополит Казанский Иаков, ознакомившись с заключением комиссии, согласился с большей частью ее предложений.

6 июня 1918 года епископ Амвросий снова был арестован; его келейник, иеродиакон Иов (Протопопов), добровольно пожелал разделить узы со своим архипастырем и духовным отцом. Арест был непродолжителен; через несколько дней после освобождения, 14 июня, владыка направил письмо в епархиальный совет с описанием обстоятельств своего ареста и заключения.

«Вследствие клеветных доносов негодных монахов-большевиков Свяжского монастыря и некоторых местных же общественных деятелей, – писал он, –

---

^а Священномученик Иоасаф (в миру Иван Иванович Удалов), впоследствии епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии; память 19 ноября / 2 декабря.

большевистские власти с первых дней своего властительства добивались до епископа Амвросия^а, желая добиться его выселения за пределы „Казанской федеративной республики“ или, по крайней мере, за пределы города Свияжска. С этой целью, без всякого сношения с сим епископом, был большевиками освобожден в январе месяце иеродиакон Феодосий (Илюкин), а затем – при самом деятельном участии этого разбойника и единокровного его приятеля иеромонаха Ильи (Борисова) – епископ Амвросий в первой половине марта месяца настоящего года был предан суду Свияжского революционного трибунала. Но здесь, вопреки всем стараниям большевиков, обстоятельства благоприятствовали подсудимому, и он с большим торжеством для него был судом оправдан. Но местные и казанские большевики, посрамленные на этом суде, не покидали мысли добиться своего – изгнать из Свияжска ненавистного им за его деятельность „черносотенца“ епископа Амвросия... Придраться, однако, было трудно, ибо епископ Амвросий не мог быть уличен в контрреволюционных действиях, хотя, конечно, как и все честные русские люди, ни в своих частных разговорах, ни в своих проповедях не скрывал своего отношения к большевистской власти, приведшей к явной гибели наше Отечество. Но вот в начале сего июня месяца <...> в Свияжск прибыла „чрезвычайно-следственная комиссия“ с комиссаром Михайловским во главе, командированным будто бы из Москвы для раскрытия Московско-Казанского контрреволюционного заговора против большевистской власти. Едва ли будет преувеличением, если мы скажем, что эта комиссия прибыла в милый и тихий град Свияжск со специальной целью – арестовать епископа Амвросия и при этом, если явится возможность, ограбить Свияжский и другие окрестные мужские монастыри. Об этом можно судить по тому, что на первых же порах комиссия проявила свою деятельность арестом наиболее расположенных к епископу Амвросию лиц, <...> интересовалась „богатствами“ Свияжского мужского и других соседних монастырей и очень любезно выпытывала кляузные доносы монастырских большевиков-монахов, от которых обитель Свияжская вот уже почти год страдает и доселе не может избавиться. Когда, таким образом, почва была подготовлена, тогда <...> и был, наконец, произведен арест епископа Амвросия (вместе с его келейником иеродиаконом Иовом), чему содействовало еще избиение и сожжение в Раифской обители семи большевиков, что крайне раздражило следственную комиссию во главе с Михайловским, который поэтому отнесся к епископу Амвросию, якобы хотя косвенно причастному к этому обстоятельству, первоначально крайне грубо. Но дальнейшая беседа с епископом смягчила и даже пристыдила сего грубого опричника, то и дело прежде угрожавшего расстрелом как самого епископа, так и других лиц. Продержав в своем помещении епископа от пяти до девяти часов вечера, следственная комиссия перевела его в тюрьму и посадила в ту одиночную камеру, откуда перед сим были взяты для расстрела два белогвардейца. Здесь и пришлось просидеть епископу, в тесноте и вони, почти пять суток, но при самом благожелательном отношении тюремной администрации. Заботами и хлопотами священника Н[иколая] Троицкого, отеческой попечительностью казанских архипастырей и любовью православного народа мы освобождены из темницы в Духов день, 11 июня».

После освобождения епископ Амвросий и его келейник поселились в

---

^а Так в документе.

Казанском Спасо-Преображенском монастыре, гостеприимно принятые настоятелем обители архимандритом Иоасафом (Удаловым). Однако епископ имел намерение вернуться в обитель, где Господь определил ему быть настоятелем, о чем он заявил на собрании Братства православных общин. Его стали отговаривать, опасаясь за его жизнь, на что владыка ответил: «Мы должны радоваться, что Господь привел нас жить в такое время, когда мы можем за Него пострадать; каждый из нас грешит всю жизнь, а краткое страдание и венец мученичества искупят грехи и дадут вечное блаженство». И он вернулся в Свяжский монастырь.

В ночь с 6 на 7 августа 1918 года отряды начинавшей формироваться Народной армии и чехословаков под командованием подполковника В.О. Каппеля заняли Казань, куда, еще не зная об этом, 7 августа выехал Л. Троцкий. Будучи наркомом по военным и морским делам, в этот же день он издал приказ № 1, в соответствии с которым вся Казанская железная дорога объявлялась на военном положении. Приказом № 2 был создан Военно-революционный трибунал, а приказом № 3 начальником обороны был назначен подполковник бывшей императорской армии В.В. Каменщиков, который с июня 1918 года возглавлял штаб корпуса войск ВЧК. Ранее по приказу Троцкого Каменщиковым были организованы в Муроме, Арзамасе и Свяжске концлагеря, куда заключались, по словам Троцкого, «темные агитаторы, контрреволюционные офицеры, саботажники, паразиты, спекулянты», а по существу – все несогласные с действиями большевиков и в той или иной степени заявившие об этом. В состав Революционного военного трибунала 5-й армии вошли ехавшие в одном поезде с Троцким Смидович⁷ и Гусев⁸.

Поезд Троцкого был оснащен лучшими по тому времени техническими средствами; в его составе были два самолета с летчиками и механиками, броневик, грузовые и легковые автомобили и цистерна бензина. В поезде была своя электростанция, типография, ресторан, вагоны отдыха и баня. Вагоны были соединены внутренней телефонной связью и сигнализацией. Персонал поезда состоял из хорошо вооруженных и высокооплачиваемых красногвардейцев-карателей, в поезде находился набор дорогих подарков, которыми Троцкий расплачивался с отличившимися в боях красногвардейцами. Под Свяжском, на станции Вязовая, где остановился поезд, было положено начало созданию регулярной Красной армии, здесь впервые был применен новый метод организации армии: за всякую неудачу в военной операции – расстрел каждого десятого из своих.

8 августа Троцкий прибыл в Свяжск, где находился штаб Красной армии⁹. В тот же день отряд красноармейцев вошел в монастырь, чтобы реквизировать продовольствие, и в четыре часа пополудни епископ Амвросий был арестован и доставлен на станцию Вязовая, где в вагоне Троцкого располагался Революционный военный трибунал. Здесь владыка провел свою последнюю ночь. В семь часов утра следующего дня, 9 августа, красноармейцы вывели епископа Амвросия из вагона и повели в сторону поля. Дойдя до дальнего края ближайшего к станции огорода, они остановились, чтобы вырыть могилу. Епископ опустился на колени и, воздев руки к небу, стал горячо молиться Богу. Последовал выстрел, затем еще несколько, после которых епископ Амвросий упал. Красноармейцы стащили тело епископа в яму и засыпали ее землей²²⁰. Вскоре на этом месте большевиками был устроен концлагерь.

Игумен Дамаскин (Орловский)

«Жития новомучеников и исповедников Церкви Русской. Июль. Ч.2»

Тверь. 2016. С. 87–140

Примечания

¹ Ныне город Тышовце (польск. Tuszowce), входит в Люблинское воеводство, Томашувский повят, Польша.

² Иеросхимонах Сергей (в миру Семен Авдиевич Веснин; 1814–1853), популярный духовный писатель, публиковал свои книги под именем Святогорец. По окончании Вятской духовной семинарии был рукоположен во священника. После смерти жены и дочери принял в 1839 г. постриг с именем Серафим. В 1843 г. совершил паломничество на Афон, где принял схиму с именем Сергей в Пантелеимоновом монастыре. Автор книги «Русские иноки на Святой Горе Афонской от исхода X до половины XIX века». Отдавая дань литературному дару Святогорца, епископ Порфирий (Успенский) указывает на научную несостоятельность и мифологичность его сочинений: «Сергей был поэт, а не историк и не археолог. Речь у него чисто русская, приятная и индее увлекательная. Но в сказаниях его об Афоне много ходячих бредней местных. Посему настоящим и будущим писателям о сей Горе совету не увлекаться этими сказаниями».

³ Протоиерей Алексей Николаевич Чистяков (1869 – после 1918), композитор, автор духовных сочинений (большинство из них было издано в 1907–1915 гг.). Родился в селе Вавож Малмыжского уезда Вятской губернии в семье псаломщика. С детства пел на клиросе, имел выдающиеся музыкальные способности. Окончил Глазовское духовное училище, Вятскую духовную семинарию. Служил регентом хора Глазовского духовного училища, секретарем Сарапульского епископа, после принятия сана священника был настоятелем храма в Сарапульском Благовещенском женском монастыре.

⁴ Михей (в миру Михаил Федорович Алексеев; 1851–1931), впоследствии епископ Козельский, викарий Калужской епархии.

⁵ Правило 80: «Аще кто, епископ, или пресвитер, или диакон, или кто-либо из сопричисленных к клиру, или мирянин, не имея никакой настоятельной нужды, или препятствия, которым бы надолго устранен был от своей церкви, но пребывая во граде, в три воскресные дни в продолжение трех седмиц, не придет в церковное собрание: то клирик да будет извержен из клира, а мирянин да будет удален от общения». (*Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинско-Истрийского. СПб., 1911. Т. I. С. 570.*)

⁶ Епископ Иннокентий (в миру Иван Васильевич Солодчин; 1842–1919) управлял Свяжским Успенским монастырем в течение трех лет, с 1906 по 1909 г. После него настоятелем монастыря был назначен находившийся на покое епископ Макарий (Павлов), который пробыл настоятелем монастыря семь с половиной лет, ставших худшим периодом в истории обители. В 1917 г. он был назначен епископом Владикавказским и Моздокским. На этой кафедре он сменил временно управлявшего ею епископа Фаддея (Успенского). В результате его управления стали поступать массовые жалобы на него Патриарху Тихону. Прихожане просили Патриарха забрать от них епископа Макария и вернуть епископа Фаддея. Человек беспринципный, епископ Макарий в 1922 г. присоединился к обновленческому расколу.

⁷ Смидович Петр Гермогенович (1874–1935); с 1922 г. член Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б) и глава Секретариата по делам культов, с 1929 г. председатель Постоянной комиссии по вопросам культов при Президиуме ВЦИК.

⁸ Гусев Сергей Иванович (Драбкин Яков Давидович; 1874–1933).

⁹ «„Приезд тов. Троцкого, – писал Гусев, – внес решительный поворот в положении дел. <...> Прежде всего это сказалось в области дисциплины. Жесткие методы тов. Троцкого для этой эпохи партизанщины, недисциплинированности и кустарнической самовлюбленности были прежде всего и наиболее всего целесообразны и необходимы. Уговором ничего нельзя было сделать, да и времени для этого не было. И в течение тех 25 дней, которые тов. Троцкий провел в Свяжске, была проделана огромная работа, которая превратила расстроженные и разложившиеся части 5-й армии в боеспособные и подготовила их к взятию Казани". Наряду с этими мерами, проводившимися с большой настойчивостью и решительностью (так, например, Петроградский полк был под угрозой потопления ссажен с парохода, и созданный тут же трибунал приговорил к расстрелу каждого десятого, в числе которых были и коммунисты), была приведена в порядок

система снабжения, была быстро сколочена волжская флотилия и небольшой воздушный отряд».